

18+

ТАО ВАНЦЗИ

СОКРЫТЫЙ ВОИН

Тао Ванцзи
Сокрытый воин. Князь
Леса. Книга вторая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71698951
ISBN 9785006552166*

Аннотация

Прошёл месяц с тех пор, как вернулся Вересовый князь, призванный спасти Сагию. Мирные дни его истекли, так как внутренний монстр жаждет добычи, а дочь лесничего Кара становится жертвой скверны. Юный друид предлагает помощь в путешествии к Великому озеру, чьи воды обладают исцеляющей силой. Куда приведут благие цели? Сохранит ли князь то, чем дорожит, когда внутри и вокруг сгущается тьма?

Содержание

СОКРЫТЫЙ ВОИН	5
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	6
УВЕРТЮРА	7
ПРОЛОГ. В КОГТЯХ СУДЬБЫ	8
Глава I. Рассвет человека	27
Глава II. Маленькие шаги	47
Глава III. Красавицы и чудовище	68
Глава IV. Раб Голода	87
Глава V. Голодный дух	103
Глава VI. Посланник Смерти	124
Глава VII. Между	147
Глава VIII. Время откровений	166
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Сокрытый воин

Князь Леса. Книга вторая

Тао Ванцзи

Дизайнер обложки Lestries, иллюстрация

© Тао Ванцзи, 2026

© Lestries, иллюстрация, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0065-5216-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-4319-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОКРЫТЫЙ ВОИН КНЯЗЬ ЛЕСА. КНИГА ВТОРАЯ

*Кто ты, далекий? Запела вдали
Флейта...*

(с) Рабиндранат Тагор

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

от Переводчика

Произведение содержит сцены насилия, убийства и поедания людей.

Переводчик ничего не пропагандирует и сей труд носит развлекательно-философский характер.

Категорически приветствуется бережное отношение к людям и Лесу.

В целях удобства чтения в процессе перевода часть терминов и понятий Мира Сáгии была заменена на аналогичные по смыслу земные слова, такие как «газета», «больница», «паспорт» и так далее.

Приятного Приключения!

УВЕРТЮРА

Заметка из газеты «Вестник Бэлдуэдда»
за 7 октября 637 года:

Чезурринский Пожиратель

В городке Чэзуррин,
южное Прилесье,
всеми любимый
Фестиваль Осенней Луны
прервала трагедия.
На город напал неизвестный монстр,
по почерку зверств похожий
на печально известного вэндиго.
Число жертв превышает сотню.
КОТ¹ ведёт расследование.

Ф. Лаунс, гончая «Вестника»

¹ Королевский Отдел Тайн (сокращённо КОТ) – организация при короле, занимающаяся делами, с которыми не справляются обычные органы правопорядка. Герб – геральдический восстающий огненно-рыжий кот на чёрном щите, потому народное прозвище стражей Отдела – «коты».

ПРОЛОГ. В КОГТЯХ СУДЬБЫ

620 год от окончания Войны Шипов

Юго-восточная часть Великого Леса

Стелились по сугробам жухлые стебли отживших трав.

Закат растёкся за мрачными соснами огромной кровавой лапой, цепляющейся когтями за холмы.

Третий день пути сквозь владения Леса подходил к концу.

Сани, запряжённые серыми в яблоках скакунами, быстро скользили по сыпучему, искрящемуся винно-закатными брызгами, снегу. Спереди и сзади их сопровождало по четыре всадника в малиновых плащах на мохноногих вороных конях. На поясах у воинов поблёскивали рукояти мечей, копья были упёрты в стремя. Вёл их девятый всадник – в лёгкой одежде, рыже-бурым плаще с капюшоном, на буланом длинногривом жеребце.

Более всего восседающей в санях за возницей, закутанной в платки и шали сероглазой Миранде Кобл-Динн хотелось сейчас оказаться в уютном «Белом кролике», что прямо у стен могучего Корракса – твердыни лорда Корвинде. Но нет – горячее вино с пряностями и яблочный пирог только из печи будут после. После того, как Миранда укроет у Верховного колдуна сира Мборлина малютку Севиль. Бедный лорд Эймар, окончательно ослепший, дрожащий над

судьбой дочери, не мог более выносить мысль, что и её пожрёт, уничтожит проклятье эльфов.

Сир Моорлин с сомнением согласился на эту авантюру. А вдруг, лорд Эймар прав, и, спрятав дочь под сенью Леса, он обманет длань Короны Шипов?

Миранда медленно пожала плечами. В крепчающий мороз совсем не хотелось шевелиться, чтобы не смещать наполненные теплом одежды. Женщина плавно приобняла закутанное в шали дитя.

Колдовской огонь мастера Шинана, висящий над младенцем, исправно грел обеих путешественниц. Сам колдун ехал впереди, и леди Кол-Динн не переставала удивляться, как ему не холодно.

Миранде было скучно – не с возницей же говорить, чью спину уже надоело разглядывать, – и она продолжила невесёлые размышления. Лорд Эймар настолько боится эльфийцев, что пришлось ехать в подготовленное место не дорогами, а сквозь Лес. Сир Моорлин должен ожидать на окраине Леса у Балдуэда. Пока им всё время везло. Может быть, слухи про Лес зимой – это всего лишь слухи?

Пока ни одного монстра или призрака не встретилось им. Но, может быть, это заслуга мастера Шинана, что он так хорошо выбирает дорогу и отпугивает нежелательных встречных? Миранде не хотелось знать подробностей их путешествия через Лес. Вчера, сидя у костра, под защитой зачарованного круга, она увидела тень за деревом – как будто чело-

веческую, да ещё с оленьими рогами! Но это, как оказалось, действительно была всего лишь тень – дерева, с ветвями. Переведя дух, леди Кол-Динн выбросила из головы страшный образ и направила всё своё внимание на убаюкивание леди Севиль, а затем – на припасённую в дорогу книгу. «Песнь о Вёресовом князе и Жрице Зари» – самое то, чтобы греться в этом нежданном опасном путешествии!

И сегодня, когда мастер Шинан и сир Пóлдарк устроили лагерь на опушке, обрамлённой огромными соснами, Миранда снова взялась за книгу.

Уютно-ласково трещал ветвями огонь. Севиль – покладистая чудесная малышка, устроившись у леди на коленях, лупала глазками на зрелище. Миранда приподняла её, показывая костёр:

– Огоньки! Видишь, огоньки пляшут!

Ребёнок счастливо улыбнулся. Укрыв девочку ещё одним платком, Миранда приобняла её и стала читать. Медленно кружился снег между стволами деревьев, добавляя белого покрова тяжёлым сосновым ветвям. Отстранённая мягкость царила на опушке. А в книге началось самое интересное. Князь Ирде бросает будущую отступницу Ци́рис Адальвёйде и выбирает Рею Кóбра-Линде. И ради него Рея оставляет служение Хозяину Зари...

Бежали перед глазами строчки, пофыркивали лошади, переговаривались гвардейцы лорда. Девочка, разомлев от тепла и уюта зимнего вечера, заснула.

Решив, что малышка достаточно насиделась у костра, Миранда переносит её в палатку, согретую колдовскими огнями.

Полюбовавшись на устроенное на ночлег дитя, леди покидает палатку и видит, что происходит нечто.

Дородному сирю Полдарку – аккуратная тёмная борода его заиндевела, – докладывает воин:

– Да, я слышал голос, там! – он махнул рукой на север.

Ещё один подтверждает:

– Да, я тоже!

К ним подходит мастер Шинан – его усики и острая узкая бородка воинственно топорщатся на худом лице:

– Что вы слышали?

Воин сглотнул:

– Мольбу... о помощи...

Дохнул порыв ветра и донёс надорванный крик:

– Прошу!... Помогите!... Умоляю-ю-у-у-у...

Голос, несомненно, был человеческим. На этот раз его слышали все.

Сир Полдарк поднял руку в тёплой перчатке, призывая к вниманию всех подчинённых:

– Нужно помочь! Воины, пойдут...

Шинан вскинул руку:

– Нет!

Воцарилась недоумённая тишина. Ветер полоскал плащ колдуна, пытался потушить костёр, но пламя, поддерживае-

мое чарами, горело ровно и ясно, не подчиняясь воле зимней стихии.

Сир Полдарк изумился:

– Почему?!

Донёлся стон, громче и чище, чем прежде:

– Хва-а-атит!... Прошу!...

И через мгновения тишины – снова:

– Умоляю!... Кто-нибудь!... – в вопле звучало бесконечное отчаяние страдающей души.

Все взоры смотрели на колдуна.

Лес донёс ещё один, надрывающий чувства, крик:

– Пожа-а-алу-у-уйста-а-а!...

Шинан, вслушавшись в последний вопль, принял решение и проронил:

– Вероятнее всего, это вендиго.

Люди лорда Корвинде, не встречавшиеся доселе со знаменитым людоедом, зашептались.

Сердце Миранды пропустило удар. Голод Зимы, легендарный Пожиратель, в этот вечер, здесь, в этой части Леса?... Холод пробрал ноги. Мастер Шинан – опытный, могущественный колдун, у воинов, воинов... – мысли Миранды лихорадочно бегали, – у сира Полдарка меч из лунного железа, точно! Они справятся с вендиго, справятся!

Колдун продолжил:

– Странно, что его не остановили защитные чары, что я наложил. Он идёт сюда. Готовьтесь к обороне. Леди, – он

посмотрел на Миранду. – Ступайте в палатку. Вам незачем это видеть.

Подчиняясь мастеру, женщина занырнула в палатку и взяла на руки малышку.

* * *

Усилившийся ветер хлестал Шинана по щекам. Он бросил вызов Великому Лесу, пересекая зимой его южную оконечность с запада на восток, и, что ж, платит за это.

Сир Моорлин сказал, что Лес отнёсся благосклонно к тому, чтобы укрыть на своей земле дочь лорда Корвинде. И это его благосклонность?! Старик очень легко мог ошибиться в толковании знаков и принять желаемое за действительное!

Великий Лес разгневан – иначе никак. Иначе почему Пожиратель обошёл предусмотрительно сплетённые чары?

Вендиго – это не новость для личного колдуна лорда Корвинде, чародей встречал их на Севере, когда изучал рунные камни. Те существа, как водится, были очень истощены, злобны, но весьма слабы против верного фамильяра Шинана – посоха Ба Вáйи.

Что готовит сегодняшняя встреча с духом-людоедом? Обойдённые чары подсказывали: «Ничего хорошего».

Рука колдуна уверенно сжимала узловатый, повязанный алой лентой посох, призванный из котомки. Они справятся, даже если и происходит нечто необыкновенное. О да, проис-

ходит! Гнев Леса! Шинан отогнал мгновенно промелькнувший призрак паники. Подумаешь, на вендиго не сработали чары, которые раньше срабатывали всегда...

Тварь приближается – это колдун ощущает по сгущающейся темени и морозу. Стоны вендиго – это заманивание добычи или осознанный крик души, бывшей когда-то человеком? Вечный спор кабинетных учёных, занимающихся этими голодными духами. Выйти изучать вендиго в поле значит весьма вероятно окончить жизнь у них в зубах. Шинан в данном отношении был одним из немногих практиков, кто неоднократно сталкивался с Пожирателями и знал, как при встрече избежать смерти.

Колдуна пробрал озноб: словно в пользу второго предположения кабинетных учёных, сгустившуюся ночь огласил словно бы осмысленный крик:

– Не надо!... Я не хочу!... – воины, ощерившиеся копьями, полукольцом стояли в зачарованном круге, заслоня собой костёр и палатку Миранды. За палаткой, перебирая ногами, прядали ушами лошади.

И тишину вспорол то ли вопль, то ли приказ:

– Бегите! – он ударил воинов по ушам, подавляя волю, заливая своей властью мозг. Двое шатнулись вглубь кольца, Полдарк рывкнул:

– Стоять!

Ответом ему прозвучал голос Леса и ночи, на этот раз вкрадчиво-настоячиво:

– Бе-е-еги-и-ите-е-е... – и монстр протянул как будто совершенно осознанно. – Глу-у-упцы-ы-ы...

Оно шагнуло к людям из тьмы ночи.

Брови Шинана изумлённо вскинулись вверх: такого вендиго колдун не встречал ни вживую, ни в книгах. Морда его была не человечесья, а словно бы лосино-волчий череп, увенчанный широкими рогами. И Пожиратель был гораздо мощнее и выше сородичей. Что ж, попробуем встретить его так, как полагается – огнём.

Взмах посоха – струя пламени из костра через Ба Вайи ударила в монстра. Яркая вспышка – пламя не причинило чудовищу вреда, погасло, превратившись из жёлто-оранжевого всполоха в бело-голубой. Тварь отшатнулась, прорычав, и снова двинулась на людей в давящем молчании. Шинан почувствовал, что монстра окружает сильнейшая магия, природа которой проистекала словно бы из самого Леса.

Что оно такое?!

Лес его послал или оно явилось по своей воле, вняв интуицию случайности?!

Пока оно приближалось, Шинан запустил в тварь ещё две струи огня – бесполезно. Колдун чувствовал вокруг монстра бьющуюся, будто сердце, силу, гасящую любое внешнее колдовство – будто вендиго находился в состоянии некоего превращения, и глаза его, в отличие от прочих сородичей, горели не алым, а бело-голубым огнём.

Как его остановить?! Мастер попробовал всё подходящее

из заклинаний стихий Огня, Земли и Дерева. Пытаться использовать против Пожирателя Воду – лёд и снег, смешно. Деревья ломались, не останавливая тварь, земля содрогалась, но оставляла монстра на ногах. Надежда – на Металл.

Колдун скомандовал:

– Чары его не берут! Бейте копьями и мечами, цельтесь в сердце! Сир Полдарк, – он кивнул командиру отряда. – Надежда на ваш меч. Убейте монстра!

В руке заслуженного гвардейца блеснуло лунное железо. Колдун сотворил посохом чары разрушения, наложил их тёмно-огненными путами на оружие.

Чудовище совсем близко, озарённое костром. Заколдованные наконечники копий и клинки мечей светятся кроваво-мерцающей каймой. Люди, сдерживая дыхание и биение сердца, смотрят. Тварь приближается. Остановилась на расстоянии копья. Люди ждут. Вендиго словно бы их разглядывает, в промозглой тишине. Ветер пытается ухватить и погасить колдовской костёр – тот непрерывно умело изворачивается. Тварь отшагнула назад, кто-то из воинов выдохнул.

Пожиратель перевёл взгляд на этого человека, вперился в лицо безумным изнывающим взором и расхохотался, слишком по-человечески. Воздух всё больше сковывали безысходность и страх. Одинокие чувства, носящиеся в беспросветной мгле. Человек не выдержал, уронил копье, закрыл лицо руками и отступил назад, со стоном рухнул в снег. Его состояние моментально передалось другим – ещё два во-

ина, подчинённые ужасом и страхом, бросили оружие и отшагнули в круг. Монстр торжествующе по-орлиному клекотнул, вскинув морду-череп.

Шинан вынырнул из воцарившегося озера одиночества, покорности и страха.

– Довольно! – он вскинул посох, ощерившийся острым металлическим наконечником. – Бей! – солнечный, пробуждающий голос колдуна выдернул людей из когтей безысходной Зимы. Они кинулись на врага, беря высокую измождённую тварь в кольцо. Копья и мечи вонзились в тёмную плоть, пустив на снег жгучую чёрную кровь.

И тут же полилась кровь человеческая. Взмахи когтистых лап легко вспарывали кольчуги и тёплые одежды, а за ними – мясо. Тварь хватала копыта за древки, мечи вырывала вместе с руками, кусала, драла в упоении живую плоть.

Взвились лошади, слыша вопли и стоны, Миранда выскочила из палатки с младенцем на руках. Бросилась к осёдланному коню Шинана, взобралась на него и поскакала прочь. На восток, главное, на восток – над ним висел серпом холодный месяц.

Тем временем Шинан пробил посохом грудную клетку вендиго, хотел послать внутрь монстра разрывающую силу огня, но – не смог. Пожиратель неподвластен человеческому колдовству даже изнутри!

Тварь по-волчьи взвизгнула, получив удар, и свистяще зашипела, впилаясь в лицо мастера пылающим голодным взгля-

дом. Осаждающих воинов она легко отшвыривает когтистыми руками, не обращая внимания на назойливые ранения. Смотрит в лицо, изучает. Шинан пытается и не может выдернуть посох. Полдарк кричит: «Беги!» И сам бросается на тварь с лунным мечом.

Всё это так медленно... На мгновение колдун видит в глазах монстра разумную мысль. Удивление в них сменяется ужасом и отчаянием. И снова – только безумие Голода. Огромные безжалостные челюсти смыкаются у мага на надплечье, хруст костей, в то же мгновение в монстра вонзается лунный клинок, но мимо – левее ледяного сердца.

Вендиго отшвыривает Шинана, перекусывает шею Полдарку, расправляется с оставшимися воинами. Подходит к колдуну, выдёргивает у себя из груди посох – хлынула чёрная кровь, смотрит на Ба Вайи, вертит его в лапах-руках, бросает на снег подле хозяина. Прищурившись, взирает на поверженного колдуна. В голове Шинана течёт мысль: «Вендиго не могут быть разумны... Впрочем, мы не можем этого знать... Те, кто видит подобный взгляд, после... обычно... умирают. Миранда, скачи!...» Колдун мог бы исцелиться, но Ба Вайи, побывав в теле неподвластного колдовству монстра, словно бы оглох. Оцепенел. Он не поможет... хозяину. Утекает жизнь...

Вендиго, словно бы сочувствующе, но совершенно безмысленно, склонил голову набок.

Наступает смерть. Монстр наступил Шинану на грудь

и откусил ему голову. Погас колдовской костёр, погрузив поляну в ночь. Монстр подкрепился. Зарычал на рану от лунного железа, которая жглась, но постепенно исцелялась, под влиянием великих чар. словно бы милостиво, со смачным удовольствием, монстр поприканчивал раненых. Залечив зловредные раны, поднял окроплённую жертвами бледную морду – в свете месяца кровь выглядела чёрной. Принюхался. Одна жертва пытается сбежать! Погоня. О, что для вендиго может быть лучше погони!

Он вернётся сюда, когда настигнет ту приткую дичь.

Время погони. Ради добычи. Ради её горячей крови и плоти.

* * *

Миранда, всхлипывая, молилась Создателю. Конь колдуна нёс её и малышку сквозь дебри. Над тьмой Леса в пустом небе висел когтем ворона месяц. Мелькали стволы, ветви, кусты – голые, облетевшие, они словно тянули лапы к двум человеческим существам. Хруст – конь, приземлившись после прыжка, провалился передней ногой в гнилой ствол, засыпанный снегом. Выбрался, понёсся дальше. Создатель, о Создатель! Хоть бы Шинан убил эту тварь!

Ухо донесло, что сзади будто кто-то бежит. Кто?! У Миранды всё застыло морозом внутри.

– Мастер, это ты?! – хрипло выдохнула она.

– Да, это я! – донёлся солнечный голос Шинана, согревающий теплом. – Скачи, не останавливайся, я догоню! – так знакомо и по-родному звучала его речь!

Женщина счастливо улыbnулась и рассмеялась. Они спасены, спасены! Хвала Создателю! Рядом с Шинаном ей нечего...

Когтистая лапа зацепила коня сзади и сшибла его с ног. Миранда вылетела из седла, прижимая к себе малышку, и, взрыв снег, грохнулась в заросли шиповника. Падение вышибло воздух из лёгких, и единственная мысль: «Создатель, за что!» – осталась в груди. Севиль заплакала. Зажмурившись, прижимая к себе дитя, Миранда слышала шаги. Рычащее морозное дыхание. Пожалуйста... пожалуйста... не надо... Последние слёзы кротко прочертили дорожки по её щекам. Повернув лицо, еле дыша, Миранда открыла глаза.

Пылающие очи монстра.

Её короткий вскрик.

Встряхнув женщину, Пожиратель пронзил её грудь когтями и отшвырнул тело – нечто ещё живое отвлекло монстра от вроде столь желанной и прекрасной добычи. В кусту шиповника, примятом жертвой, остался свёрток, пищаний и хнычущий.

Монстр протянул к нему блестящий кровью коготь и повернул нечто лицом к себе. Принюхался. Человечек. Ма-а-аленький. Детёныш-ш-ш.

Очень соблазнительный. Но – на один зуб. Вендиго гордо

вскинул морду. Отвернулся и занялся женщиной – каскад её тёмных волос, освобождённых от платка, раскинулся по сугробу.

Когда Пожиратель закончил трапезу, маленькое создание уже молчало. Но стоило вендиго сделать шаг к лагерю, где ожидала остальная добыча, как детёныш завозился и заплакал.

Монстр повернул морду в сторону детских стенок. Подошёл, загрёб свёрток рукой-лапой и понёс с собой. Дитя, согреваемое вложенным в шаль талисманом, убаюкалось мерным и плавным шагом монстра.

* * *

Вот так дела. Тай разочарованно-раздражённо дёрнул ухом. Перед рассветом Хранитель Леса стоял на сугробе и обозревал место побоища. Если бы он не занимался минеральным источником, в котором завелись аж три болотеня-переростка, то успел бы отвести Пожирателя от этих людей, и они бы не погибли.

Огромный рыжий тигр сокрушённо вздохнул, покачал исшрамованной головой. Слишком мало Хранителей Леса, слишком мало! Всего трое, на такие просторы!

Хотя, раз голодного духа не отпугнули защитные чары, чей сквозяще-пряный аромат всё ещё висел в воздухе, то, возможно, Тай ничего бы и не смог сделать.

Блеснув янтарными глазами – левый украшал живописный шрам, – он вскинул морду.

Это была воля Леса?

Или просто это был ты, Князь? На тебя одного из вендиго сейчас не влияет человеческое колдовство.

Хранитель, сохраняя скорбное почтение, обошёл и обнюхал все останки. Плавным выдохом – силой Леса отправил каждую душу на Небо. Следы человека. Забавно. Кто-то прыткий спрятался под санями, а затем вскочил на коня и ускакал.

Когда Пожиратель... погнался за кем-то ещё. Тигр лёгкими прыжками побежал по следу. Лошадь со свёрнутой шей – к ней монстр не притронулся, остатки женщины. Её душу Тай тоже отпустил за новой рубашкой. А ещё... Хранитель, принюхиваясь, стал изучать следы. Боги древние, что за?!...

Тигр понёсся по следу Пожирателя, ведущему вообще в сторону от лагеря. Что взбрело в эту рогатую башку?! Это же ты, Князь, ты! Только ты бы не сожрал ребёнка...

Хранитель уменьшил бег, почуяв Князя. Ну дела, принёс к своему логову! Вендиго лежал на снегу, положив морду на лапы, и созерцал свёрток с детёнышем, оставленный под каменным навесом в ворохе листьев, свободных от снега.

Тигр потянул носом. Ребёнок живой, укутанный теплом. Но голодный, скорее всего. Хранитель, прижав уши, вышел на прогалину у скал, подле которых в последние десятиле-

тия бытовал князь-вендиго, претерпевая в себе существенные изменения.

– Ну, здр-р-равствуй!

Пожиратель поднял морду и по-волчьи зарычал на непрошеного гостя.

Тай мягко ступал по снегу, приближаясь к монстру и ребёнку:

– Отдай его мне... а то он погибнет!...

Голодный дух, привстав на руках, клал на Хранителя челюстями.

Тигр, продолжая шаг, покачал головой:

– С тобой он не выживет, прости. Могу понять, что тобой движет, но – нет.

Вендиго, подвываяще рыча, поднялся на четыре лапы, загородил собой ночную находку.

Тай остановился:

– Ступай. На опушку. Там твоя добыча. Много добычи. Пока волки не растащили.

Монстр, выставив в сторону Хранителя рога, медленно повёл головой.

Тигр приказал, рывкнув:

– Иди! За человеческой плотью...

Пожиратель подчинился, пригнув голову, поднялся на задние лапы и плавно направился к лагерю, скрылся за деревьями.

Тай мягко подпрыгнул к детёнышу, обнюхал, лизнул ши-

роким шершавым языком в лоб, заглянул в глазки и, взяв свёрток за узел на животе в зубы, понёс ребёнка к дому лесничего.

* * *

Когда Рикхард поутру распахнул дверь своей избушки, то не обнаружил рядом с ней никаких следов. Ровный покров свежесвалившегося снега. И ребёнок на пороге.

Серые глаза молодого лесничего подёрнулись удивлением и недоумением. Волнистые тёмно-русые волосы его весело-игриво присыпал снежок. Деревья и сугробы будто ласково улыбались человеку, совсем недавно познавшему утрату.

Никаких опознавательных знаков, записки – только талисман тепла и кулон на шее найдёныша, – большой, точно, на вырост, в виде снегиря. Серебро и качественная эмаль. Месяца не прошло, как Рик похоронил жену и родившуюся мёртвой дочку. И вот те раз. Как будто Дар Леса. Девочка. Годовалая. Лесничий мгновенно принял решение растить ребёнка, как собственную дочь.

Благо, есть коза. И молоко, следовательно, в достатке.

А в это же время в милях десяти от домика лесничего спасшийся веснушчатый возница рассказывал сиру Моорлину о нападении невероятного Пожирателя. Люди Верховного колдуна, не обращаясь к лесничему – избегая огласки события, – при свете дня, счастливо избегнув встречи с венди-

го, разыскали все изуродованные монстром тела, кроме младенца.

Его судьба была равно очевидна и страшна.

Лорду Эймару было послано прискорбное известие.

А сир Моорлин не мог простить себе, что неверно истолковал знак, будто бы Лес согласен укрыть дочь лорда под своей сенью, защитить от эльфийских чар. Однако же, Лес укрыл. Сокрыл. В том числе от глаз что лорда-отца, что Верховного колдуна.

Искусство случайностей или Судьба?

Что у лагеря тогда вышел именно тот вендиго, что щадит детей? И его не тронули чары людей?

Люди просили защитить дочь Великого Дома.

Лес внял. Дал укрытие.

Такое, какого бы не создали под его сенью люди.

Полное и безусловное соккрытие.

А князь-вендиго, блуждая во тьме вспыхивающего порой сознания, вышел тогда к костру совершенно случайно.

Просто мучимый Голодом. И ему совершенно не было никакого дела до воли Леса. Как и Тай, по наитию и сердечной доброте, отнёс ребёнка лесничему.

Хранитель не думал тогда, что служит Лесу или чему-то, что течёт над Лесом, над Небом, над всеми. Он захотел подарить «лесному» человеку то, что тот недавно так болезненно утратил.

Сплетения чувств, сплетения решений, сплетения жела-

ний – и вот он узор. Судьбы. Пути.

Вытканый на Небесах и совершающийся, когда человек или не-человек следует движению сердца.

Девочку-найдёныша Рикхард назвал Карой – в честь почившей жены.

А вендиго, всё больше меняющемуся внутри и снаружи, влачить существование, перемежающееся огнями сознания, оставалось ещё семнадцать лет.

Пока однажды летом оковы проклятой плоти не спали, уйдя вовнутрь, и пьянящий воздух свободы не глотнул человек.

Глава I. Рассвет человека

637 год от окончания Войны Шипов

Юго-восточная окраина Великого Леса

Ганнибал подскочил на постели, хватая ртом воздух.

Царила ночь, перед глазами мелькнули отблески костра и зачарованного оружия. Рубашка, складками льнущая к телу, волосы, рассыпавшиеся по плечам – он человек! Лекарь бросил взгляд на свои сведённые ужасом руки – это пальцы, человеческие пальцы, не когти... на них нет крови, они чисты!... Это сон, сон...

Он отёр лицо ладонями, переводя дыхание. Смотря перед собой, отнял руки от лица, снова глянул на них. Сейчас крови нет, но она была... и будет.

Человек упал головой обратно на подушку, смотря в потолок. Лицо колдуна, запоминающееся худобой, усиками и острой бородкой, плачущее лицо темноволосой женщины не собирались уходить из сознания.

Они жили, любили... и страдали. Он убил их. Как давно это случилось? В прошлом году или пятьсот лет назад? Сегодня к нему пришли во сне эти лица, а сколько других лиц скрывает мрак памяти? Таких же плачущих или, наоборот, яростных – и умирающих... Если бы он мог оставить всё это в прошлом и полностью отречься, забыть о кошмаре шести-

вековой длительности.

Но... почти ничего не изменилось. Ганнибал вытянул вверх руку, рассматривая её и складки рукава в лунном свете, падающем в окно избышки.

Седые – бледные в ночи, волосы до плеч, остроскулое лицо, овеянное северной суровостью, небольшие миндалевидные глаза, изящный с горбинкой нос – свою человеческую форму князь вернул по благоволению Древа месяц назад. Но как эта внешность обманчива! Он такой же Пожиратель, как тогда, в зимней ночи, с той лишь разницей, что сейчас имеет человеческое тело и может в какой-то мере направлять Голод. И контролировать Его? Во рту – знакомый железистый привкус. Ужасающий и желанный одновременно.

Ганнибал закрыл глаза и опустил руку на грудь. Кто они, хозяева привидевшихся лиц? Как их звали? Что они делали в Лесу зимней ночью?...

По всей вероятности, этого Лекарь уже никогда не узнает. Он повернулся на бок, сгрёб подушку, уткнулся в неё лицом. Усилием воли человек-Пожиратель заставил себя заснуть.

* * *

Тьма отступала, предвещая рассвет. Ганнибал открыл глаза и сморгнул знакомый бледный силуэт – образ дочери.

Слабо различимый и в то же время пугающе явный. Ей было семь, когда они виделись в последний раз, и девять, ко-

гда она умерла. Светлое платье, убранные назад волосы, курносый нос. Видимо, призраки прошлого сговорились посетить князя в одну ночь – те, кого он не знал и те, кого знал слишком близко.

– Доброе утро, – усмехнулся Лекарь сухими губами и кивнул тому, кого здесь нет и быть не может. Майя – где-то на земле, но там, докуда её отец не дотянется. Пока не дотянется.

«Я всегда буду с тобой...» – прозвучал в голове её блеклый голос, доносящийся из темницы Рэван-Тэле. «Ты со мной», – мысленно отозвался эхом князь и вдруг резко схватился рукой за живот, ощутив мгновенный укол ужаса и вины, намекающий на приближение Голода. «Прости меня», – он привстал, уперевшись руками в постель, переводя дыхание. – «Всё будет хорошо, обещаю!»

Непрошеное видение дочери вцепилось в чувства и мысли, встав в один ряд с образами колдуна и женщины из зимней ночи. Их необходимо развеять. Всех. Иначе... воображение разыграется, начнёт руководить телом и призовет Его. Голод.

Ганнибал сел на постели, скрестив ноги, глубоко вздохнул. На лбу вздулась вена. С правой стороны шеи и на плечах ощущаются вертикальные надписи эльфийскими рунами. Неведомые. Роковые. Из-за них. Ради них. Эльфы умертвили Майю. Подали на стол. Всё хорошо. Дочери он сможет помочь потом. Когда станет человеком и древние границы

Леса отпускают его. Потом. Лекарь сжал и разжал кулаки.

«Майя, я люблю тебя», – уронил он в безмолвие пустоты, не размыкая уст. – «Я хочу, чтобы ты слышала меня. Я верю, что ты слышишь. Я приду за тобой. И освобожу тебя».

В разных формах, но подобные слова были его ежедневной молитвой.

Подгоняемый неприглашёнными снами и видениями, Лекарь встал, быстро и бесшумно оделся. Был бывший правитель Севера высок и поджар, весь страшно исшрамован всевозможным оружием, клыками и когтями, благо, лицо и ладони пощадил этот след Войны и проклятья. Князь взял с почётной полочки длинную продольную бамбуковую флейту, украшенную охристо-огненной шёлковой кистью, и вышел на улицу.

Белая шёлковая рубаша, штаны тёмно-миндального оттенка, яшмово-коричневые сапоги с отворотами – его обыкновение. А жгуче-тёмные глаза – проклятье. Когда-то они были серебряными.

Седые волосы с удовольствием стал трепать ветер.

* * *

Прохлада тянула осенью. Травы, отягчённые росой, клонились к земле. Пелена низких облаков на востоке не могла предотвратить наступающий рассвет.

Буйное цветение августа поспевало жить и уже начало

приветствовать новый день – качающимися на ветру венчиками растений и пересвистом пробудившихся птиц.

Ганнибал подозвал Светлячка, пасшегося поблизости – ни один хищник не посмел бы тронуть маленького крепкого солового коня, принадлежащего Посланнику Великого Древа. Жеребец, фыркнув, подбежал и положил голову человеку на плечо. На лошадиное объятие Лекарь ответил тем же – обнял Светлячка за крутую шею, запустив пальцы в шелковистую белую гриву.

Они коротко постояли, чувствуя друг друга, и человек-Пожиратель легко запрыгнул коню на спину. Послал его рысью прочь от Леса и избушки – в поля, к виднеющемуся вдали Балдуэдду. Башни и стены могущественного города рельефно рисовались на фоне ползущих, цепляющихся за холмы, облаков.

Рассвет... уже начинается. Развеять бы мглу и узреть, приветствовать его первые лучи! Холодная свежесть сгоняла морок, оставляя позади – в ночи, призраков и безрадостные мысли. О былом.

О том, как правитель Севера докатился до жизни такой. Жизни...

Жизнь! Новый день, новое счастье видеть мир, ощущать его каждой клеточкой тела, проживать бегущие сквозь него мгновения – самозабвенно, бессовестно отдаваться потоку Жизни, потому что есть только этот день. Дарованный, освобождающий от прошлого и выстраивающий будущее. Бес-

ценный, благодатный, неудержимо текущий. День.

Ганнибал остановил коня у раскидистой ивы, спрыгнул на землю, поднял флейту, взирая на город и сокрытую тучами зарю. Дар ощущать себя человеком, иметь его глаза, видящие красоту, иметь руки, которые могут творить и создавать, иметь ноги, которые понесут туда, куда пожелаешь ты, а не чужая, злая, холодная воля, продиктованная из ниоткуда.

Человек – это свобода. Жить счастливо и без обязательства страдать. Мир и так слишком полон страданий, чтобы добавлять к нему собственные.

Ганнибал был слишком счастлив и признателен невероятному повороту Судьбы, даровавшему вендиго человеческое существование, чтобы тратить хотя бы одно мгновение на мысли и чувства, которые бы затмили чудо совершающегося рассвета.

Простор рождающегося дня, напоенного жизнью, предвкушение увидеть лица людей – живых, настоящих, а не гостей из истерзанной памяти, предошущение служения Лесу и новых открытий окунали с головой в движение облаков, дыхание полей, в ощущение тёплого бока Светлячка рядом.

Поймав в душе поток Света, исходящий от неба, проклятый князь вынул из сердца ощущение незаживающей раны и поднёс его таящейся за пеленой заре:

– Прошу, исцели. И весть Майе пошли. Песню мою пошли, – он сдвинул брови, поднёс инструмент к подбородку

и стал играть. Целить собственное сердце голосом волшебной флейты Ки и слать дочери весть любви.

Он закрыл глаза, вкладывая в звучание душу, и песня ткалась, выходясь из шестивековой тоски и боли в благодарность и признательность, переходящие в трепетное воздушное нежное чувство, дарующее состояние безопасности, покоя и уюта. Тепла. Доверия. Радости. Счастья.

Послав в небо самую пронзительную ноту, Ганнибал открыл глаза и увидел сияние зари. Горизонт полностью расчистился от облаков. Ощувив внутри вяжущее, вытягивающее душу чувство, Лекарь проронил:

– Прошу, донеси моё послание Майе. Пусть она увидит, услышит, почувствует. Мою любовь. Пусть... ей станет хорошо, тепло, безопасно... Хотя бы на чуть-чуть.

Горло сдавила резь. Вересовый князь, а ныне – князь-Пожиратель, слишком хорошо представлял, что значит существовать неуспокоенным призраком на брэнной земле.

Это значит всё помнить. Всё ощущать. Без возможности прикоснуться и согреться. Напиться, поесть. Если только чья-то чуткая рука не поставит пищу и питьё, приготовленные специально для призрака. Но разве есть сейчас обладатель такой руки подле Майи?!

Хоть кто-то родной, тёплый, любимый, чувствующий, видящий, понимающий! Нет сейчас в живых никого, кто бы знал её, знал, что она неуспокоена!

Кроме врагов. Рядом с ней враги. Ждущие её отца. Как

они с ней обходятся? Измываются ли или среди них есть хотя бы одно чуткое сердце?!

Никого...

У неё есть только проклятый отец, в бездумной надежде шлющий тепло сквозь время и пространство. Пусть ей станет... немного легче.

Собравшись с чувствами, человек-вендиго вверил заре и ветру ощущение тепла и мира, как если бы прижал к груди дочь.

Мгновения.

В эти мгновения удержать её, успокоить.

Защитить. И отпустить.

Раненое сердце перестало кровоточить. Чтобы спустя время вскрыться вновь.

Но на сегодня достаточно.

Остаётся только верить, что каким-то немислимым образом послание отца в самом деле долетит до дочери.

А иначе... останется бесконечная глухая боль. Нет, жить без веры невозможно. И слово «самообман» не воспримется разумом и сердцем. Пусть вестъ любви, посланная с ветром, будет истиной и вопреки всему пронзит все преграды и долетит до того, кому назначена.

Потому что иначе... князь Ирде не сможет.

Делать то, что должен.

Вера. Даёт силы. И опору.

– Люблю тебя, – шепчет Лекарь. И чувствует, что пред-

рассветный морок развеян. Жизнь снова принадлежит ему – человеку, созидающему и исцеляющему. А не голодному духу – разрушающему и страждущему.

Мысли о Майе, наполнившись любовью, были бережно убраны, спрятаны. И Ганнибал достанет их вновь, только когда снова захочет послать ей весть или же... когда снова посетят призрачные видения. И всё тяжёлое, поднявшееся из глубин души, вновь будет развеяно – голосом флейты, мыслями, чувствами. И поступками.

Глубокий вздох. Моя жизнь. Мой мир.

Лекарь вскинул подбородок, прищурился, чувствуя, как с новой силой расправляет в груди крылья желание жить. Чувствовать, наслаждаться. Упиваться деланием, любить мир – горячо и страстно. Восторг и ликование объяли лёгкие, князь кивнул заре, как другу.

И вздрогнул.

Нет. Призраки ещё не закончили.

Ганнибал прикрыл веки, ощущая рядом промозглый холод, как если бы дух, пришедший из-за стены смерти, действительно стоял рядом.

Открыл глаза.

Жена. Рея. Служительница Хранителя Зари.

Когда же тебе приходиться, как не на рассвете...

Тёмные, подёрнутые амарантовым блеском, кудри, багряные глаза – кого-то пугающие пламенем, а для него, князя Ирде, ласковые.

Но сейчас они смотрят с укоризной, вопрошают: «Почему ты мне не сказал?...»

Ганнибал коротко усмехается. Он не смог бы сказать, что случилось с их дочерью.

Тогда... не смог. Шесть веков назад. А сейчас... Лекарь улыбнулся. Сейчас он знает, что призрак Реи – ненастоящий. Он знает, что будучи голодным духом, не может увидеться с отошедшими в мир иной людскими душами. «Люблю тебя», – кивает князь видению, и образ жены тает в утренних лучах.

Вот теперь всё. Ганнибал снова садится на Светлячка и едет к виднеющемуся вдали одинокому дубу, когда-то посаженному посреди поля случайно или нарочно чьей-то неведомой рукой.

Сей дуб – страж древней границы Великого Леса. Когда-то здесь росли деревья Леса, журчали его ручьи, а ныне колышутся сочные нивы, возделанные рукой человека, да луга, предназначенные для откормленных стад. Но древняя сила всё ещё питает когда-то заповедную землю. И держит князя в заточении.

Привычно Ганнибал останавливает Светлячка у дуба, спрыгивает на землю, кладёт флейту на высокий белый камень, стоящий у дерева, идёт к раскидистому кусту шиповника, обрызганному росой и искрящемуся вытянутыми рыжими плодами. Шаг, ещё шаг, биение сердца, ожидание-предвкушение, что может быть сегодня, по какой-то

неведомой причине... Пустое. Князь упирается в незримую, но так мерзко ясно ощущаемую стену!

Он кладёт на преграду ладони. Древнее колдовство отдаётся покалыванием, дрожью пространства – ни враждебной, ни дружелюбной. Просто, черта. Которую не преодолет Пожиратель. Закрыв глаза, безрассудно нагло Ганнибал пытается продвинуться вперёд – то ли сдвинуть стену, то ли пройти сквозь неё. Издали можно было бы подумать, что какой-то чужак занимается непонятными физическими упражнениями, выставив раскрытые ладони перед собой.

Настырный Пожиратель увеличивает давление сильных рук, на какую-то толику погружаясь ими в колдовскую стену. Покалывание стало неприятным, поднимающим нехорошие ощущения внизу живота. Не сдаваясь, Ганнибал продвинулся ладонями вглубь стены ещё на какую-то ничтожность. Замер, выравнивая дыхание. Подождал, чтобы руки по привычке к взаимодействию с древней силой. «Ты человек, не становись Пожирателем, не становись...» – повторяя это себе, князь Ирде сделал шаг и почувствовал, как чары Леса охватили его по локти. По телу пробежала предательская дрожь, внутри, за желудком, забился страх. «Ш-ш-ш-ш, всё хорошо, она не обидит тебя...», – сказал Ганнибал той части себя, без которой и рад бы жить, да нет возможности. Той части, которую и не хочет выпускать сила Леса. – «Я защищу тебя, доверься».

Ещё один безрассудный шаг. Лицо и грудь обожгли хлад-

ным пламенем чары. Поморщившись, но не отступив, князь-Пожиратель принялся вести счёт ударам своего сердца. Сколько он выдержит на этот раз? Сделать третий шаг, погрузиться в стену не только руками, но и телом, у него пока не получалось. В последний раз он вытерпел двенадцать ударов. Насколько это бессмысленное занятие? Получится ли пройти сквозь стену вот так, шаг за шагом, не ожидая, пока спадут чары, по неведомой прихоти Судьбы? Когда, каким образом она поймёт, решит, что Ганнибал стал человеком?

Лучше не ждать, а пробовать, пытаться, делать то, что можешь.

Пять ударов. Спокойно. Семь. Чары начинают лезть вовнутрь, дабы вытащить то, что сокрыто под личиной человека. Ганнибал не даёт, мысленно обрывает прозрачные светящиеся полипы, пытающиеся добраться до скверны, питающей тело. Десять ударов.

Внутри, заставляя всё тело вытянуться, заскрёбся Пожиратель, жалобно скуля в голове. Боль, резь пронзили от тмени до пят. Тринадцать ударов!

Испуг голодного духа, нарушающего правила, боль, заставляющая подчиниться, закручиваемые полипами в узел чувства взвыли в сознании, звеня: «Покорись!»

Пятнадцать ударов!

В ледяной ярости, подстрекаемой ограждающими чарами, Пожиратель шагнул, но не назад, а вперёд. Окунулся в стену. Мгновение. Польшнули адом – и ядом, руны на шее

и плечах. Белый свет ослепил изнутри, вытолкнул, заставил отскочить.

Помотав головой, раскинув руки, вендиго перевёл дух. Открыл глаза, посмотрел на себя. По человеческим рукам пробежала тёмная рябь, намекая на то, что скрыто под кожей. На пальцах пропали когти. Зыркнув на непреодолимую черту, голодный дух кивнул шиповнику, находящемуся за стеной. Рано или поздно он доберётся до этого куста.

Сглотнув леденистый привкус желания крови, Ганнибал выпрямился и подошёл к Светлячку, наблюдавшему за хозяином с поднятыми ушами. Взял с белого камня флейту.

Сел верхом, пустил жеребца рысью. В горле стояла горечь. Осознание, более того, чувствование себя не-человеком нещадно начало давить. Редко это случается. Мрачным взглядом Лекарь смотрел перед собой.

Тоска голодного духа – неизбывная, затягивающая холодом, стала овладевать им. Обида – на род людской, на весь мир, поселилась в сердце. Хочется разодрать когтями это пространство света, счастья, тёплых эмоций и чувств, потому что... оно ему недоступно! Запретно, недосыгаемо. Голодные духи отрезаны от того, что в полной мере насытит их. И самого жуткого и опасного из них, вендиго, питает человеческая плоть.

Тоска. По ощущению себя человеком. Тоска по человечности. Заставляет убивать и пожирать людей.

Ганнибал усмехнулся. Хочешь съесть человека, тоскуя

по человечности – так будь человеком! Эта простая и логичная схема выглядела прекрасно в теории, но на практике сталкивалась с Ним. С Голодом.

Если бы желание человеческой плоти было только прихотью! Но... Пожиратель с человеческим лицом улыбнулся. Это необходимость. Которую пока нет возможности перечеркнуть. Выворачивающая внутренности реальность, в которую не пустишь других... нет, просто людей. Ведь он не человек.

Никто не поймёт его, не разделит боль и тоску в полной мере. Как не разделит и пьянящие, ужасающие чувства счастья и восторга над желанной добычей. Один. Со своей ношей.

Призванный избавить мир от эльфов. Обещанный и проклятый.

Князь поднял взор и обнаружил, что Светлячок, давно уже перейдя на мерный шаг, завёз его в сосны и можжевельники.

Лес... Вот кто всё чувствует и понимает.

Ганнибал спрыгнул с коня: «Иди, пасись, где хочешь!» – и побрёл вглубь лесной тишины, напоенной мелодиями и еле уловимым дыханием – деревьев, трав, мхов, камней и всевозможных иных существ, от деловых муравьёв до царственных оленей и игривых духов ручьёв.

Покой. Тишь. Можжевельовый дух. Вересовый дух. Кустики сего хвойного создания обрамляли сосны на каждом

шагу, превращаясь вверх по склону в можжевельниковое озеро, расплещенное среди деревьев. Ганнибал подошел к его краю и лег спиной на желтую хвою, устремил взгляд в небо, обрамленное сверху вересковыми веточками.

Единственное в своём роде существо.

Призванное исцелить Лес и сердца людей.

Лекарь прижал к груди флейту, как меч, лёжа в положении древних каменных надгробий. Его символически похоронили в пустом гробу шестьсот тридцать семь лет назад.

А теперь... он вернулся, с памятью, сокрытой Стеной мрака, и Тенью-Пожирателем, от которой не отвязаться.

Легендарный Гáлен Ирде, Вересовый князь – монстр-людоед, которому придётся быть убийцей, чтобы жить и выполнить свою миссию.

Ганнибал усмехнулся: «Хватит ныть!» Счастье быть человеком слишком огромно, чтобы... забирание чужих жизней могло его омрачить? Увы, да, омрачает... Ладно бы он забирал жизни не для пищи, а в битве, ради блага, ради спасения, очищения и так далее, но... он обожает людей! В прямом смысле! Здоровых, красивых, сильных, счастливых... обожает их есть...

И что, что жертв было всего две и ему люто повезло с ними! Месяц человеческой жизни – это съеденный за раз оборотень Уррах и добрый старик Рбннин, чьё наследие... на исходе.

Милые мысли о том, что нужно озадачиться новой жерт-

вой, чтобы, как Роннина, растянуть её на месяц, вдохновения не прибавили.

Ганнибал обещал договориться с собой-вендиго и найти равновесие, но на всё нужно время. И силы.

Бороться с Голодом сил не было. Месяц наблюдений – и приговор один. Голод является всегда внезапно, и чем больше энергии расходуется, тем выше вероятность Его прихода. А тратятся силы... на что угодно. В том числе на размышления. И нервы. Не тратить силы, пока ты жив, невозможно.

Конечно, можно забиться в угол и бояться каждого своего вдоха и не делать ничего, что может пробудить спящего в желудке демона, но ведь... он всё равно придёт! И возьмёт, что ему причитается. И потому выход один: идти вперёд. Осваивать искусство ведуна и пробуждать Лес.

Исполнение миссии, порученной Великим Древом, потребует многих сил. А Голод потребует жертв. Тех, кого Он выберет. Благородных, добрых, светлых. Всякая погань Ему на один зуб. Старик Роннин был очень хорош, раз егохватило на месяц...

А если придётся уподобиться своим диким сородичам и запастись добычу впрок?

Смирение, смирение с бытованием голодного духа!

Да как так можно, когда ты человек!

Выглядишь, как человек, любишь, дышишь, чувствуешь, а внутри эта тварь, тянущая сознание в свои тёмные чарую-

щие поглощающие объятия... каждый день!

Хватит! Смирись!

Ты найдёшь жертву и сполна позволишь себе счастье голодного духа, чтобы затем познать счастье человека.

Иначе никак.

Иначе... жертвами станут те, кто тебе дорог.

Кстати о тех, кто тебе дорог...

Язвительная усмешка перетекла в тёплую благодарную улыбку.

Сегодня приедут из города Рокки и Кара.

Человек предвкусил общение.

Вендиго предвкусил созерцание.

Вероятной добычи.

* * *

Одиночество... А возможно ли оно?!

Ганнибал вскинул взор в небеса. Разве может человек оказаться совершенно один... посреди прекрасного, напоенного жизнью, мира?

Может, безусловно, может. Когда обстоятельства и другие люди отрезают человека... от живого пульса бытия. И он сам... отрезает себя.

Действиями, словами, мыслями.

Самокопанием.

«По большому счёту...» – по сочному синему небу бе-

жала кудрявая дымка облаков, будто пастырь гнал ягнят, растянувшихся по полю цепочкой, – «человеку невозможно в полной мере оказаться одному. Даже... когда его душа пала во Тьму?»

Ведь что-то вело, направляло, поддерживало шесть веков, и это было не только Древо, что с первого же мгновения стало трудиться над тем, чтобы вернуть своего Князя. Что-то есть ещё... ещё более невыразимое, ещё более... глубокое?

Как Небо?

Князь приподнялся на локте, вглядываясь в высь. Как... всё вокруг? Он обвёл взглядом деревья. Что это?

Взглянул в себя.

Нечто... пронизывает всё сущее. Наполняет его. И даёт смысл. И раз это Нечто хочет, чтобы Ганнибал был и жил, значит, быть посему.

С ощущением этого Нечто всегда приходит лёгкость и покой. Это Нечто... есть голос сердца? Есть голос Того, кого нынешние люди называют Создателем? Нет, это дальше... Создателю умы верующих дают форму, а у этого Нечто... нет формы, вернее, она может быть любой... Во что веришь, то и получаешь. Нечто становится тем, о чём мы думаем и чего желаем. И точно также становится тем, чего боимся и что отвергаем.

Жизнь – это превращение энергий. И когда идёшь по стезе жизни, что согласна с течением Нечто, приходит лёгкость, доверие и покой. Нечто... смотрит, изучает, действует... че-

рез тебя...

Может ли быть Ганнибал в эти мгновения выражением воли Нечто? Да. Да... когда... так спокойно...

Нет лишних слов, лишних действий, только... ощущение Великого. Будто протянешь руку и почувствуешь его, потрогаешь, но... схватишь лишь пустоту.

Коснёшься пустоты. Наполненной энергией жизни. Из неё, из пустоты, может проявиться всё, что угодно...

Из этой пустоты приходят мелодии песен и слова стихов, всё лучшее и красивое, что есть в мире...

Сопричастность этому Нечто – опора, более неколебимая, чем земля. Опора, дающая силы...

Лекарь закрыл глаза, собирая в себя чувство, разлитое в мгновениях. Услышанное в шуме сосен, в переливах расцветных лучей, обливших золотом стволы и ветви, в дуновении сквозящего прохладой ветра.

Это видение... чего-то тайного, сокрытого, Невыразимого.

У него нет имени.

Ганнибал открыл глаза.

Краски стали ярче, звуки – чётче, пространство – наполненной, живее, ближе. Будто придвинулись кусты и деревья, камни и мхи стали ещё более родными и, о да, зазвучала музыка, которую так легко и радостно подхватит флейта Ки.

Звучание Леса. Музыка Жизни.

Ганнибал сел.

Он не может сетовать на своё существование, когда... так близко ощущается живое Великое Нечто, ощущается... внутри.

Как скоро уныние может смениться подъёмом духа, если прислушаться к миру вокруг. И как скоро упадок сил оборачивается воодушевлением. Стоит только послушать... и услышать.

Лекарь встал, сжав флейту, как оружие, хищно, с азартом подался вперёд, смотря в небо:

– Чего Ты хочешь от меня? Ты, Неназванное?

Бежали облака.

Ответ не требовался, он звучал внутри.

Огнём жизни. Когда горит это пламя, мир поможет и поддержит. И даже... приведёт добычу, какая потребуется.

Доверять. Себе. Миру. И даже тьме внутри и Голоду. Так достигается гармония. Гармония голодного духа, жаждущего быть человеком.

И эта гармония будет его правдой и опорой.

Иного выбора нет, когда ты не человек.

Но учишься быть им. И созвучен прекрасному, радостному, яростному миру.

В своём желании жить.

Жить счастливо.

Глава II. Маленькие шаги

Кара привстала в стременах, высматривая возле лесничьей избышки князя. Во дворе весело трещал хвостом открытый очаг, пятнистая чёрно-белая лайка Роза, приветственно обнюхав ноги лошадей, убежала по своим делам. Пахло жареной птицей с чарующими ореховыми и хвойными нотками.

Рокки повёл носом:

– О, нас ждёт обед! Как приятно!

Всадники, пустив лошадей шагом, подъехали к домику. Кара спрыгнула со своего Серого. На девушке были просторная бежевая блуза, тёмно-коричневые штаны и сапоги. Тёмно-карие глаза её горели радостью, вздёрнутый нос, как всегда, придавал лицу обаяние здорового любопытства. Морозно-каштановыми кудрями, откинутыми со лба, играл ветерок.

Рокки, он же Рёкиан Салазар, покинул спину огромного белого Малыша и поправил, блеснув круглыми очками, берет на голове. Острая бородка и небесная яркость голубых глаз человечка светились доброжелательностью и жизнелюбием. Фигуру маленького ведуна украшали щегольские брюки цвета маренго, белая рубаша и жилет в тон брюкам, в мелкую клетку. Человечек пристукнул каблуками начищенных ботинок:

– И где он? – прикрыв ладонью глаза, ведун осмотрелся.

– Я здесь, – Ганнибал вышел из избушки на крыльцо. Седые волосы его были собраны в низкий хвост и перевязаны чёрной шёлковой лентой. На шее – персикового оттенка платок, скрывающий шрамы-руны.

Князь поприветствовал людей и кивнул им:

– Чудесно выглядите!

Рокки посмеялся: «Я со встречи – в седло», а Кара смущённо улыбнулась.

Лекарь жестом пригласил их в дом:

– Прошу, обед готов!

Ганнибал забрал лошадей, ведун и девушка умылись в доме из рукомойника и сели за стол. Кара осмотрелась.

Пока отец в отъезде, она живёт в городе у Рокки и бывает в родном доме только в сопровождении маленького ведуна. На этом настояли отец, Рокки и Ганнибал. Не оставлять её с князем-вендиго без присмотра. Девушка не была уверена в том, что такие средства безопасности действительно необходимы и в то же время ясно понимала, что «взрослые» ей чего-то недоговаривают. Такое недоверие одновременно и возмущало, и напоминало о том, что правда может оказаться более чем нелицеприятной. Скорее всего, даже кошмарной.

Но Кара всегда видела только Ганнибала-человека.

Даже когда он оборачивался зверем, то всё равно был человеком. Не монстром.

И дочь лесничего была уверена, что он в гораздо большей мере человек, нежели тёмное существо, именуемое Пожирателем. И в то же время девушка, задержав дыхание, готовила себя к тому, чтобы собраться с духом и заглянуть по ту сторону жизни Вересового князя – древнего героя, коего Кара первой опознала и подвела к пробуждению и исполнению его миссии.

В комнате ничего не изменилось – венценосный легендарный житель избушки максимально бережно относился к дому, что препоручил в его руки лесничий Рикхард Гроу перед отъездом. Хотя прошла всего-то неделя. А ждать ещё недели две, если не все три, пока отец по долгу службы на Съезде, обсуждающем поправки к лесному законодательству!

А когда он вернётся, то продолжит стеречь дочь, чтобы она не оставалась с Вересовым князем наедине. Да хотя... и сам князь этого не допустит. Потому что... хочет её съесть? Всё время хочет съесть? Насколько сильно... это желание?

Кара взяла в руки фарфоровую тарелку с узорчатой лазоревой каймой, повертела её, неосознанно прижала к груди. Нужно разобраться в этом вопросе, спросить прямо.

Она уж может догадаться, что голодный дух-людоед даже в человеческом облике будет желать положенной добычи.

Отца и Рокки он не хочет съесть? Не так сильно хочет?

Почему же... такое особое отношение к ней?

Хотелось и одновременно жутко кололось узнать ответ.

Может ли это быть симпатия?

Кара вспомнила, что для упыря самая желанная добыча – это его возлюбленная.

У человека-вендиго также?

Сердце подскочило к горлу, образовав ком. Девушка сглотнула. Не думай об этом, не вздумай!

Кара проморгалась и положила тарелку обратно на стол. Глянула на Рокки, готовясь залиться стыдом, но друг отца, видимо, не заметил её жест и замешательство – ведун смотрел в окно на шумящие ветром ветви сосен.

Ганнибал внёс чугунную жаровню, его жгуче-тёмные карие глаза смотрели сейчас тепло и спокойно, в них играл солнечный свет, напивая взгляд проклятого князя золотом. Кара вспомнила, что сначала, когда ещё не пробудился полностью Пожиратель, эти глаза были пронзительно-серебристыми. Станут ли они такими снова? Станут ли снова серебром Севера?

Лекарь поставил жаровню на стол, предупредил:

– Это птицы из лесочка по дороге к Белояре, они не разумеют языка Леса. И, – он улыбнулся уголками губ. – Им не было больно.

Снял крышку:

– Жареные рябчики с брусникой. И луковицы лилии! – лицо князя выражало почтительную внимательную мягкость, будто он имел дело с чем-то невероятно важным и хрупким, требующим и уважения, и заботы, и нежности.

Кару обдало тем самым орехово-хвойным ароматом – так

пахнет мясо рябчика, лесной птицы.

Ганнибал достал из жаровни лежащее сверху мясо – каждому из гостей по две тушки, золотящиеся сочной корочкой, и к ним – крупные запечённые луковицы, по цвету напоминающие картофель. В дополнение на тарелках обоих гостей появилось по пригоршне уже поспевшей брусники.

Кару заворожили аромат и вид блюда. Она кивнула: «Спасибо», – взяла кусок ржаного хлеба и, разломив вилкой луковицу, попробовала её. Клубень растаял во рту, оставив восхитительное ощущение сладковатого песочного печенья.

– Потрясающе! – воскликнула девушка, бросив восторженный взгляд на князя, и попробовала рябчика. Мясо оказалось очень ореховым, напевным и нежным, вопреки распространённому мнению, что рябчик – птица жёсткая. Брусника удивительным образом добавила мясу и луковице кисло-тёрпкой гармонии.

Рокки мудро заметил:

– Вина бы к этой красоте!

Ганнибал поднял бровь:

– Ну, это только если ты его привёз!

– А то! – из сумки ведуна, вмещающей что угодно и сколько угодно, появилась изящная бутылка, с геральдическим вороном рода Корвинде на этикетке. – «Слеза Ворона», пряное, креплёное, как раз к вашим рябчикам!

– Так открывай!

Рокки изящным жестом заставил пробку выскочить

из горлышка, рубиново-гранатовое, насыщенное вино плеснуло в бокалы, бархатно обьяв изнутри хрусталь.

Лекарь окинул взглядом свой бокал, а затем ведуна:

– Есть что праздновать?

– Да. Я нашёл вам текст «Клятвы». Может, вы что-то и вспомните.

– В таком случае... – Ганнибал сдвинул брови, – я допью бутылку, если вспомню что-то важное.

Рокиан кивнул, все трое подняли бокалы, ведун изрёк:

– За удачу!

Кара встала:

– И успех!

– И жизнь, – Лекарь смотрел на двух людей, стоящих рядом с ним, и благодарил Небо за то, что они есть, что они живы и здоровы, и полны сил. Копаясь и рыща в прошлом, они проживали своё настоящее. Будь на то воля Ганнибала, он безоглядно жил бы в настоящем, не касаясь прошлого. Но оно не отпустит, пока не расставит всё по законным местам и не даст все необходимые ответы. Рокки, Кара – бесстрашные искатели истинной картины событий Войны Шипов, пусть ваш путь в настоящем будет спокоен и безопасен!

Проговорив мысленно своё пожелание, Вересовый князь пригубил вино.

Кару «Слеза Ворона» окунула в радость и хоровод мурашечных ощущений. Тягучий, сладкий напиток бережно окутал пряностью, подарив голове и телу вальяжную лёгкость.

Жизнь прекрасна, когда в бокале есть вино и ты участница эпохальных событий!

Рокки вдумчиво разбирал букет напитка, в то же время неспешно поглощая обед.

– А ты? – девушка посмотрела на Ганнибала – тот пил вино, не собираясь присоединиться к обеду. На его персону стол не был накрыт.

– Потом, – князь коротко улыбнулся. – Хорошим тоном считается, когда повар предварительно пробует все блюда, а обедает после своих гостей. Я не стану нарушать традицию.

– Ясно, – Кара глотнула ещё вина. – Не слышала о такой.

– Это принято при Великих Домах.

Рокки хотел задать вопрос, но Лекарь опередил:

– Нет, я это не вспомнил, а прочитал.

Ведун понимающе кивнул. Когда люди закончили трапезу, Ганнибал подал им чай и печенье и сел за стол:

– Какие новости? Что за встреча у тебя была? – он посмотрел на ведуна.

Рокки блеснул очками:

– Встреча по поводу карт древних границ Леса. Привлекательнейшая дама их хозяйка, должен я вам сказать! – человек деловито приосанился. – Она обещала показать их в следующий четверг.

– Ты сможешь снять копии?

– Разумеется! И, быть может, даже получу в дар оригиналы, – Рокиан загадочно погладил кончики седых усов.

– Это было бы ещё лучше, – Лекарь подумал о скрытых знаках и надписях, что могут быть на подлинных картах многовековой давности. – Что ещё?

– Текст «Клятвы»... – Рокиан поёрзал на стуле, подался к князю, – в очень плохом состоянии, сир. Я смог получить копию лишь очень неважного качества. Но, думаю, даже такой экземпляр поможет вам что-то да вспомнить...

Кара обнимала ладонями тёплую чашку чая с травами и почувствовала, как от слов Рокки повеяло холодком. Прошлое Вересового князя таит не только проклятье и превращение в Пожирателя, но и другие вещи, не отражённые в официальной версии и сопровождающих её документах. Клятва Вересового князя Галена Ирде и Владычицы Гор Цирис Адальвейде – тёмное пятно в истории, предшествующей Войне Шипов. И Каре чужалось, что в этом тёмном пятне сквозит боль. Чья? Князя Ирде или отступницы Цирис? Или их обоих?

Текст «Клятвы девяти», как называется этот документ, гласит, что главы Великих Домов Вереса и Эдельвейса в присутствии девяти волхвов дали слово предоставить помощь и поддержку друг другу и любому члену их семей в случае, когда им угрожает опасность.

В целом в этой клятве не было необходимости, потому что все Великие Дома в то время жили в мире, и отсюда её загадочность. К чему приносить такой серьёзный обет без явной на то причины? Некоторые исследователи

искали в тексте «Клятвы девяти» неведомый потомкам философский и символический смысл. Подлинник документа хранится в Королевской сокровищнице в Цаг-Айхе. Рокки еле раздобыл абы как созданную копию. Что Ганнибал сможет через неё вспомнить? Вихрь мыслей и вопросов не отвлек Кару от ощущения боли, но только её усилил. Что это? Боль разбитого сердца? Девушке подумалось о Майе. Цирис Адальвейде должна была укрыть у себя дочь Галена, в согласии с клятвой и требованиями долга и морали, но не сделала этого. Нарушила клятву, нарушила обещание и ещё предала всю Сагию, встав на сторону эльфов.

Все книги и учебники пишут, что ей руководили честолюбие, гордыня и месть. По официальной версии, Цирис была всю жизнь влюблена в Галена Ирде, и в юности тот даже отвечал взаимностью, а затем они разошлись. Цирис тогда ещё закатила скандал на свадьбе Дэймана Корвинде и Цецилии Рэгис, а Гален заставил её замолчать. После этого они и примирились «Клятвой девяти». Всем ли заправляла любовная интрига, размусоленная во множестве романов? У Кары покраснели щёки при мысли, что она большинство из них читала, а Ганнибал вполне мог взять любой в её домашней библиотеке да открыть на самом непотребном месте.

Цирис Адальвейде – Гален Ирде – Рея Кора-Линде, любимый любовный треугольник исторических писак.

На деле написанный болью и кровью, кровью дочери Галена и Реи. Кара женским чутьём поняла, что главным орудием

мести легендарной белокурой дьяволицы Цирис была именно Майя, погибшая в заточении у эльфов. Нужно ли предполагать, что Ганнибалу больно об этом думать? И вспоминать...

И Каре чем угодно хотелось облегчить эту боль и залечить раны, которых, она чувствовала, так много. Но не знала, как. Рокки сквозь очки смотрел на Ганнибала и зрел то, что скрыто от непосвящённых глаз. Возрождённого Галена Ирде терзает вина. За то, что доверился Цирис. За то, что поверил, что она укроет у себя дочь. Почему он ей доверился! Бывшей возлюбленной! И насколько она была посвящена в планы эльфов... Знала ли она, какая роль уготована маленькой Майе? Знала ли, что душа девочки не будет упокоена?

Рокки созерцал то, что Ганнибал поведал ему как ведуну. Что душа Майи всё ещё на земле. Что Гален верил Цирис, когда она сказала: «Я с радостью приму твою малютку у себя». Что её предательство поразило князя в сердце.

И также Рокиан знал, как именно Владыка Роан'Ан воспользовался попавшей в плен наследницей Ирде. Нет, Ганнибал не говорил об этом. Книга, которую читал князь перед тем, как его настигло видение о судьбе дочери, то, как он вёл себя, очнувшись, и простая шепотка логики позволяют понять, что случилось. Человеческая плоть для того, чтобы обратить человека в вендиго. Человек должен съесть человеческую плоть, чтобы стать вендиго. И чем ближе и роднее эта плоть, тем страшнее и могущественнее станет про-

росший из жертвы монстр.

Ясно, как день.

И князь, не задавая вопросов, понял, что ведун знает его маленький, совсем незамысловатый, но из-за этого только ещё более жуткий людоедский секрет. Съеденная человеческая плоть при должном ритуале открывает дорогу к превращению в чудовище и с этой тропинки, как бы ни был чист душой человек, уже не свернуть.

Кара пока не знает об этом. Но пусть узнает. Рокки с лёгким сердцем наконец-то разрешил ей дорваться до научного труда о голодных духах. Пусть знает всё, что захочет знать.

А князь, да поможет Создатель, пусть вспомнит о том, что же было между ним и Цирис.

Ганнибал на слова Рокки о «Клятве» усмехнулся:

– Хотя бы такая копия – это уже хлеб.

Хотя в его случае – мясо.

* * *

Сумерки объяли Лес мягкостью и плавностью шёпотов и теней. Вечер выдался пьяняще тёплый, словно мир и не думал о приближающейся осени. Ганнибал стоял на крыльце избышки и смотрел в сгущающиеся потёмки.

– Мне нужна авантюра, – сказал он Рокки, когда ведун вышел из избышки и встал рядом.

– Авантюра, чтобы...? – поднял бровь человек.

– Чтобы найти добычу, – вздохнул князь.

Признаваться маленькому ведуну в пожирательских наклонностях было сравнительно легко, видимо, потому, что Рокиан стал князю кем-то вроде личного лекаря. Ему Ганнибал говорил всё по части Голода и способах Его удовлетворения. Это было важно для безопасности окружающих и общего дела, и вдруг, князь надеялся, ведун сможет помочь найти способ избавиться от зависимости. Зависимости от человеческой плоти.

Рокки кивнул, соглашаясь с озвученным решением.

Ганнибал продолжил, рассеянно созерцая объятия сумерек:

– Мне нужно найти подходящего человека... – в полумраке его глаза поблёскивали взглядом зверя, – но я... – он помолчал, – не хочу. Искать жертву. Только и всего.

– Но ты не избежишь этого! – человек скрестил у груди руки.

– Верно. И попутно. Я постараюсь сделать какое-нибудь доброе дело.

Рокки посмотрел на князя, возвышающегося рядом тёмным силуэтом:

– Ты же не винишь себя за Роннина?

– Нет. Это был подарок.

– Тогда... пусть Судьба всегда посылает вам такие подарки!

– Хах, – Ганнибал оскалился в улыбке, – чтобы получить

подарок, нужно действовать. Этим я и займусь.

Рокиан кивнул и, вернувшись в дом, оставил князя в одиночестве.

Лекарь вздохнул. Эх, Кара-Кара, что же ты так запала... нет, не в сердце, а в желудок. Это было не то безумное яростное желание сожрать, настигшее при встрече с юным стражем КОТа Уиллом Стáрлинном, а желание сожрать... более мягкое и контролируемое, но от этого не менее чарующее.

Откуда оно произрастает?

И ведь распустилось так постепенно, как цветок.

Ганнибал в который раз стал изучать свои ощущения. Нет, он не испытывал к ней интерес, что проистекает из притяжения тел и сердец. Лекарь не был уверен, что способен на подобные чувства, потому что возникшая в таком случае страсть... неизбежно перетечёт в Голод и желание высшей стадии обладания – присвоить полностью, с костями и плотью, чтобы объект вожделения всегда... был с ним. Внутри.

Ганнибал помотал головой. Это всего лишь теория, но обоснованная смежным опытом. Вендиго не важен пол, у них не бывает каких-либо спутников жизни, они всегда одиноки.

Их страсть – это не любовь, а утоление Голода.

И что может быть хуже, чем если Пожиратель, получивший человеческое обличье, вдруг потянется утолить Голод любви... Лекарь поднял брови. Слава Богам, это не тот случай! Особый интерес вендиго к Каре – это что-то другое. Зо-

вущее... из прошлого?

Лекарь мысленно шагнул за медвяно-молочным ароматом девушки к Стене мрака своей памяти, за которой таится Пожиратель, властвующий над событиями прошлого. Мёд, молоко, мешающиеся при внимательном рассмотрении с нотами клубники. И невесомо-звонкие ноты барбариса. Это Кара.

Кто-то... когда-то имел подобный аромат? Кара... кого-то напоминает?

Ганнибал остановился перед Стеной мрака – чёрным провалом, подёрнутым когтистым узором льда и хлада.

«Кто ты?» – позвал князь. – «Кого я помню через Кару?»

Лекарь вернулся из коридора памяти в подлунный мир, в сгустившуюся ночь.

Темнеет быстро. Август.

Может ли Ганнибал испытывать симпатию к Каре, потому что видит в ней повзрослевшую дочь? Он питает к ней лучшие чувства, это правда, его заботит её жизнь и судьба, но что же тянет к ней, как к прекрасному торту на полке кондитерской лавки?

Лакомство, которое очень хочется попробовать. Посреди пирожков и булочек вроде Рикхарда и Рокки. Так и тянет... Как упыря к крови симпатичной ему девушки...

Желать крови близкого человека – это естественно для упырей. Для вендиго естественно желать сожрать близкого человека. Но Ганнибала не подстёгивают запахи лесничего

и ведуна, хотя они ему вроде как самые дорогие люди сейчас, вместе с Карой. В чём же подвох?

Рокиан предположил, что девушка своим присутствием может помочь возвращению воспоминаний, и Рик согласился на это, заручившись тем, что у вендиго всегда под рукой нужна ему пища и князь хорошо себя контролирует, и тот, кто может противостоять Пожирателю, всегда будет рядом. В том числе Рокки, владеющий стихией Огня.

Послушав неявный говор ночи, доносящийся из Леса, Лекарь вошёл в домик и, вооружившись канделябром о трёх свечах, сел за стол рассматривать копию «Клятвы девяти». Мимо плавно, как кошечка, проскользнула Кара и устроилась за стенкой, в своём девичьем уголке, читать. Рокиан тоже сел читать – на лавку, засветил силой ведуна огонёк над книгой.

Ганнибал, упав ощущениями в слова документа, прикрыл глаза, медленно вдохнул аромат Кары и почувствовал запах снега. И леса.

«Я снова что-то увижу...» – отстранённо подумалось князю. – «И вряд ли что-то хорошее...» – подсказало предчувствие.

В животе поплохело – так, будто он изъедается изнутри. Ганнибал понял, что это ощущение – из самого тяжкого периода его жизни, когда Гален Ирде существовал между человеком и вендиго.

Второй год Войны Шипов. Февраль.

Поймав ноты мёда, молока и барбариса, Лекарь обречённо и в то же время наивно-доверительно потянулся за воспоминанием.

Краем сознания сторожась очередного непрошеного удара.

Которыми чревата память Вересового князя.

* * *

Хрусткий снег, удушающий запах болезни – своей болезнью, что не излечится, мерный шаг коня. Впереди маячит всадник в багряном плаще. Мутнеющим взглядом князь пытается рассмотреть его получше. Судя по оттенку плаща, это кто-то из людей Корвинде. Под всадником движется массивный бурый конь с ногами в белых носочках. Чей это конь, память не хочет подсказывать. Дурно, дурно! Куда они едут и зачем?

Внутри – холод, смурность и желание покончить со всем этим. Затушить тлеющий в смурности зов. Чего-то тёмного, дикого и беспощадного.

Шаг коня, снежный лес... За плечом – звонкий голос девушки, она окликает: «Князь!», но лишь Ирде сделал движение, чтобы обернуться, как мгновения воспоминания истекли. Ганнибал увидел перед собой текст «Клятвы» и, не теряя времени, хватаясь за ощущение предыдущего видения, он впился взглядом в витиеватую подпись Цирис. Запах Ка-

ры резко ударил в голову барбарисом и забродившим мёдом и сменился другим ароматом – фиалкой, канангой душистой и хмелем.

Галену Ирде в лицо прилетел снежок. Князю – лет пятнадцать, он тонок и лёгок, нет на нём тяжести прожитых лет. И проклятья.

Девичий хохот. Юноша отряхивает лицо и видит девушку в тёплом бежевом плаще с капюшоном, с опушкой из серебристой лисы. Светло-льняные волосы ниспадают на грудь, кожаный пояс, украшенный узором листьев эдельвейса, перехватывает верхнее платье цвета незабудки. Черты лица – тонкие, гордые, глаза – льдяно-голубые. Смеются.

– Попала! – Цирис снова расхохоталась. Её голос – не тот, что звучал в предыдущем видении. Первый голос был тёплым и мягким, как молочный пунш, голос будущей Владычицы Гор звучал, как освобождённая ото льда весенняя река – звонко и радостно, и в то же время холодно-бесстрастно.

– Иди сюда, плутовка! – смеётся Гален, загребая ладонью благодатно липнувший мартовский снег, и кидается к девушке. Ему жарко, солнце ласково припекает, хватая морозцем за уши, лёгкий плащ обнимает шею.

Цирис визжит, бежит за раскидистые ивовые заросли, прячась, Гален догоняет и смачно влепляет ей снежок в спину. Девушка спотыкается, падает руками в снег, смеясь.

Они молоды и веселы, между ними нет боли. Только радость жизни.

Всё?

Ганнибал заморгал, глядя на пламя свечей.

Точно, всё.

Спустя мгновение он усмехнулся. За своё существование, и за вылазки в память, нужно платить.

В желудке зазвучал холодком Голод. И растаял.

Напомнил о себе, как хозяин, подёргал за цепь, которую не разбить. Пока не разбить. И от ощущения этой власти страшно.

Пока не найдено средство, нужно подчиняться.

А оно существует, это средство?

Змея-стрекоза Крапивка, Хранительница Древа, сказала, что Ганнибал может найти то, что утолит его Голод лучше, чем человеческая плоть. Нужно почувствовать это.

И князь начал с очевидного и простейшего. С еды. Голод нужно накормить, следовательно, попробуем пересадить его на другие виды пищи. Начиная с еды. Голод вендиго в чистом виде – это Голод по человечности и любви. Вот и получай, поглощай любовь. Когда готовишь и когда ешь. Чувствуй, осознавай, насыщайся...

Лекарю хотелось верить, что его настрой и состояние даже при приготовлении обычной пищи хоть на малую толику отодвигают приход Голода. По человечине.

И потому кулинарное искусство стало для него медитацией и священнодействием. Перестройкой Пожирателя в мыслях и состояниях на совершенно незнакомый ему лад.

И вдруг однажды призрачный, никогда не видимый хозяин – Голод, вдруг раскусит, что то, что предлагает ему князь – гораздо лучше, чем человеческая плоть?

Ганнибал чувствовал, знал, что дело – в состоянии.

Человека и Пожирателя.

Как можно дольше и глубже держаться в первом и мягко, постепенно переучивать второго – это и был пока совершенно неопределённый план, которого Лекарь решил придерживаться.

Уверить вендиго, что искомая им человечность – всегда при нём. Убедить. Состояниями, мыслями, поступками.

И при этом использовать силу и власть Пожирателя без урона для себя.

Возможно ли это?

Дорогу осилит идущий...

Вендиго, как и любые другие голодные духи, тоскует по глубине проживания жизни.

Человеческой жизни.

Познавать её в моменте, впитывать всей душой и телом – может ли это стать лекарством от Голода?

Сегодняшние рябчики были для князя молитвой благодарности Жизни, Лесу и близким людям. За то, что они есть. За то, что дают возможность жить. Чувствовать. Любить. Блюдо – молитва Любви и признательности. Высказывание без слов. Просьба... позволить жить ещё и ещё глубже чувствовать этот мир.

Подношение и жертва, дань миру и близким... Сколько смыслов можно вложить в одно блюдо и все его составляющие?

Кара говорила, что Ганнибал очарован современной кулинарией. Да, это так, за шесть веков люди открыли и придумали столько всего потрясающего! И Лекарь с готовностью нырнул в это восхитительное творчество – пробовать те созвучия вкусов, что создали до него, и подбирать свои, новые. Ещё тоньше, красивей, лучше раскрывающие те или иные блюда!

С одной стороны, это неудивительно, что человека-вендиго потянуло на культуру еды и искусство приготовления пищи, а с другой – князь поставил себе сверхзадачу так или иначе убедить Голод.

Ты то, что ты ешь. Ешь любовь, ешь удовольствие, ешь красоту...

Бог вещь, и насытишься...

Что конкретно вызволит из рабства у Голода?! Чтобы Пожиратель был не врагом, а другом, способным обходиться без человечины?

Путь подёрнут туманом. Его невозможно предугадать. Остаются... только ближайшие шаги.

Рокки, оторвавшись от книги, поднял голову:

– М-м-м?

– Кое-что вспомнил. По мелочи. Говорить пока не о чем, – Лекарь встал и взял копию. – Потом посмотрю ещё.

До конца вечера Ганнибал был внешне спокоен и бес­печен.

Но смех Цирис, будущей предательницы и убийцы, звучал у князя в голове вплотную до полуночи, когда он наконец-то сумел сомкнуть веки и заснуть.

А в сновидениях его преследовали окровавленные и плачущие лица неведомых людей – колдуна и женщины из зимней ночи.

Глава III. Красавицы и чудовище

Утром Ганнибал, сидя у открытого очага, смотрел на догорающий костёр, когда к нему подбежала Кара:

– Привет! О, оладушки! – она бросила радостный взгляд на блюдо на столике у сосны. – Куда-нибудь поедем сегодня? – девушка села на камушек напротив.

– Доброе утро! – Лекарь вдохнул привычно-дразнящий аромат молока, мёда и клубники с нотами барбариса. Юная цветущая девушка, зовущая сокрытым прошлым.

Вендиго – внутри, за зрачками князя – любит её, как тортом на витрине лавки. Завороженно-восторженно подобравшись. И ведь у Пожирателя есть возможность этот торт взять и съесть. Но он не будет. Потому что пока – сытый, и ему доставляет невероятное удовольствие только лишь созерцание этого торта. Созерцание, щекочущее все чувства. Пробуждающее огонь в душе и теле. Страстное созерцание голодного духа, дорвавшегося до красоты. Красоты, которую можно, но пока не нужно есть. А так хочется... и от этого только ещё больше нравится смотреть... Но к вожденной витрине монстра всегда следует подводить только сытым, иначе... он безжалостно вломится в неё и возьмёт своё, в ликовании и упоении.

Пища у него пока есть... И благодаря присутствию торта ему тем более важно поскорее найти новую пищу.

А он хотел бы откусить от этого торта кусок? Безусловно... наверняка, это нежный бисквит, лёгкий сливочный крем с кусочками клубники и тончайшей прослойкой барбарисового варенья. Восхитительно приятно. И свежо...

– О чём думаешь? – Кара пошевелила палкой угли – они замерцали, как глаза демона.

– О том, куда поехать, – Лекарь улыбнулся и почувствовал, что от вендиговских мыслей в самом деле захотел есть – и пышных оладий ему с лихвой хватит. – Что насчёт Дерева-Лиры?

Девушка изумлённо распахнула глаза:

– Я столько о нём слышала! Я его увижу! Ура! – она вскочила, подбежала к столу и положила на тарелку солнечные оладушки, попробовала одну. – Они о-о-очень вкусные! Спасибо!

Кара набрала две тарелки оладий, одну вручила Ганнибалу, другую взяла себе и стала бегать с ней по полянке, подобно резвящемуся щенку, уничтожая попутно завтрак. Наблюдая её детскую неудержимую радость, Лекарь чувствовал, что живёт жизнь. Счастливый торт с характером непоседливого щенка, резвящийся вокруг – дурманяще-успокаивающее соседство для неголодного Пожирателя. А Ганнибал-человек смотрел на девушку с отеческим теплом и упивался тем, что может общаться с людьми и ощущать такие их эмоции. Чувствовать кожей, телом, что напрямую или косвенно является причиной этих эмоций. Люди хотят видеть рядом

с собой счастливых людей – это так естественно. И в первую очередь, самому для этого нужно быть счастливым.

Спокойное светлое чувство в груди, испускающее свет. Имя тебе – Счастье. Озаряющее глаза и улыбку, руки, действие и шаги. Наполняющее слова. Чувство, ради которого стоит жить. Чувство, из которого стоит жить.

Мимолётное, такое хрупкое состояние. Оно должно быть нерушимым, как алмаз. Чтобы наполнять путь. А не разбиваться от одного неосторожного шага. Разбитые сердца. Дни, недели, мгновения... утопленные во мраке страдания и несчастья – они бессчётны и причиняют мучения сотням тысяч душ, жаждущих лишь одного – счастья. Исцеления. Любви.

Бережное отношение к собственному счастью. И счастьем близких – это искусство. Умножать счастье, а не горе – это ответственность.

Кара была беззаботно счастлива и весела. Ганнибал прикрыл глаза. Пусть эти мгновения длятся подольше...

Их не нарушило, но дополнило появление Рокки:

– Я за завтраком! – человечек подошёл к блюду с тарелкой, набрал оладий и приправил их золотящимся гречишным мёдом, обитающим в баночке здесь же, на столике под сосной.

Впитав в себя присутствие счастливых дорогих ему людей, Лекарь дождался, когда они оба закончат трапезу и только после поел. Мягкое тесто и тёплый мёд наполнили тело

силой.

Тело, пока что покорное и следующее человеческому естеству и бытию.

* * *

Ближе к полудню прилетела Йара – беззвучно разгоняя воздух крыльями, бело-синяя длиннохвостая неясьть зависла над землёй и обернулась золотоглазой девушкой с молочно-белыми волнистыми волосами до бёдер, в своём обычном струящемся платье цвета слоновой кости с мотивом перьев, лазурных на кончиках. Её крючковатый нос и смуглая кожа говорили о происхождении из земель Цёрпе, а изящность и лёгкость стана дарили восхитительное сходство с птицей.

– Привет! – Йара уткнулась носом Ганнибалу в плечо – тот ласково провёл рукой по её волосам, затем девушка обнялась с Карой – объятия лесного духа были такими же тёплыми, как человеческие.

Как-то само собой повелось, что ни Лекарь, ни человеческие друзья – Рик, Кара и Рокки, не называли Хранительницу-сову Кайáрой. Это имя негласно закрепилось за птичьим обличем и служением Лесу, а для человеческого облика и общения с людьми была Йара.

Кара, разомкнув девичьи объятия, положила ладони на хрупкие плечи подруги:

– Ганнибал оладушки нажарил! Будешь? Тебе сметану

принести?

Йара, сияя золотыми глазами, кивнула.

Дочь лесничего убежала за сметаной.

Лекарь, улыбаясь взглядом – в его тёмных глазах танцевали солнечные зайчики – окинул Хранительницу взглядом.

– Как дела?

– Тай передаёт привет! – Йара тряхнула крупными серьгами-кольцами в ушах. – И Идлар со своей стаей – тоже.

– Им тоже привет, при встрече, – кивнул Ганнибал.

Идлар – бурый одноглазый вожак одной из волчьих стай Великого Леса, всё никак не мог дожидаться, чтобы Князь призвал его для какой-нибудь службишки, и постоянно напоминал о себе. – Идлару передай, что я про него помню.

– Передам, – Хранительница улыбнулась.

Они посмотрели друг другу в глаза. Золотые очи южанки, ставшей когда-то Хранительницей, и когда-то серебряные, но ставшие из-за проклятья тёмными, очи северного князя.

Улыбнулись. Понимание без слов чувств друг друга текло между ними и усиливалось с каждым днём. И это нравилось обоим.

– Кхм-кхм! – Рокки, взирая на Йару, упёр кулаки в бока. – Совсем из-за роста меня не замечаешь?! – в его взгляде искрилась озорная укоризна.

– Простите, господин ведун! – Йара всплеснула руками, как крыльями, и учтиво поклонилась. – Приветствую!

Рокиан, довольный, поклонился в ответ.

Прибежала Кара со сметаной:

– Вот! Только вчера в Ящерке у Марёйны взяли!

Дочь лесника усадила Хранительницу Леса завтракать оладьями со сметаной за столиком под сосной.

Йара, как ребёнок, обвела блюдо, тарелку, приборы и сметану восторженным взглядом:

– Это всё мне?!...

– Конечно! – Кара развела руками. – Ты всё ещё продолжаешь удивляться!

Хранительница кротко кивнула. И, позволяя себе верить счастью, стала есть, жмурясь от удовольствия и смакуя каждый кусок. Сердце, веками стремившееся к человеческой жизни, вот уже месяц изо дня в день получало желаемое. И Йара с ума сходила от каждой мелочи и каждой клеточкой тела впитывала происходящее, позволяя себе верить, что так будет и впредь.

Еда, одежда – она примерила все платья и костюмы Кары, а также шитьё, вышивка, рисование, готовка, уборка – Хранительница погружалась во всё с полной отдачей себя, и душа её наполнялась и пела. Быть человеком – это прекрасно!

И Кара ей дарила – платья, украшения, всякую мелочь. Ганнибал, как и обещал, научил Хранительницу ездить верхом – ведь у неё есть своя лошадь, и последовательно разбирал с ней искусство чтения и письма.

От всего человеческого Йара приходила в непередаваемый восторг. Всякий раз.

Многолетняя тоска её постепенно, по капле, исцелялась. И чаша, готовая воспринимать, наполнялась.

Но сердце продолжало ныть и болеть, прося о большем.

* * *

Великий Лес. Совсем недавно от его величия оставалось только название. Но всё переменялось месяц назад, хоть времена эта и была пока скрыта от большинства глаз.

Ветер всё также просто шелестел в ветвях, кусты и травы просто колыхались, птицы просто чирикали...

Но...

Среди стволов, холмов, скал, водопадов зазвенела тихая еле заметная песня. Её слышали даже Рик и Кара, когда заходили поглубже в чашу, а Хранители и Ганнибал разбирали её слова и улавливали смысл, Лекарь – даже не зная древнего языка, на котором она звучала.

Это была песня Жизни и Красоты. Более явная, более сильная, нежели звучащая в полях и лугах, что не под сенью Великого Леса. Песня полноты, взаимопонимания, взаимоощущения живых существ, что населяют мир. Песня древнего закона, установленного Великими Древами на заре Мироздания. Песня взаимопочтения и доверия.

Общего Блага.

Она должна преобразовать отношения людей и Леса.

Отношения людей и остального мира.

И сейчас... она набиралась сил.

Обитатели Великого Леса забыли, что значит звучать. Петь. Жить. Они таились и спали. Деревья и травы. Звери и птицы. Камни и гады, рыбы и озера, реки, ручьи. Их пробуждала поступь Посланника Древа.

Очень медленно.

И он лишь интуитивно чувствовал, что делать. Никаких указаний, инструкций. Только он, Лес, флейта Ки и необъятный мир. Возможностей и опасностей.

Перед глазами нет примера, учителя, наставника, идеала, как поступать. Поиск. Путь. Движение, направляемое неизвестным кормчим, таящимся внутри. Ледяного проклятого сердца. Прикидывающегося человеческим.

Этот кормчий – Голод или неизбывная великая Суть, обрётшая форму через слово «любовь»?

Не смотря на то, что внутренне Посланник Великого Древа выстраивал свой путь по наитию, положила руку на сердце, в тот день он точно знал, куда направится и куда приведёт Кару и Йару – к Дереву-Лире, воспетому во множестве сказаний.

* * *

Хранительница ловко вскочила на Тучку. Управляемая без узды, с ремешком на шее, караковая кобылица радостно понесла хозяйку в лес. Что-что, а упустить шанс покататься

верхом Йара не могла.

Ганнибал, с сумкой через плечо, сидя на Светлячке, хмыкнул:

– Полетела, как птица.

– Ещё бы! – улыбнулась Кара, свободно держась в седле, и потрепала своего Серого по гриве.

Они тоже тронули лошадей.

Лес, на первый взгляд обыкновенный, как и другие леса Сагии, окунул в ароматы и звуки, напоенные изобилием августа. Поздно цветущий рододендрон, мощные сырые грузди, шляпками поднявшие хвою и перегной, брызги кровохлёбки и маленькие солнышки пижмы обрамляли тропу. Лошади, оставляя подковами в земле полумесяцы, фыркали, махая длинными расчёсанными хвостами.

Кара зачарованно смотрела по сторонам. Слева от тропы стройными рядами высились гладкоствольные корабельные сосны, в кронах которых прибоем шумел ветер, гоня по небу пенные барашки облаков. Справа же громоздился могучий бок скалы, присыпанной землёй, по гребню которой бежали молодые сосны и кедры.

На земле – камни, шишки, хвощи. Под соснами раскинулись озёра раскидистых папоротников, чьи листья покачивались ребристой рябью.

Дальше и дальше, вглубь и вглубь.

Лошади перебрали через ручей, срывающийся со скалы водопадом. Запах свежести, корней, земли и влажных кам-

ней.

Сосны и берёзы. Долинка, по правому боку обрамлённая грудой камней с человеческий рост, а слева, на склоне, стоит она, красавица – сосна о трёх стволах, Дерево-Лири. Высокая, могучая, прекрасная – как великолепная женщина во цвете лет.

Ганнибал, держа в руке флейту, спрыгнул с коня, поклонился дереву. Девушки последовали его примеру – отвесили поясные поклоны, и люди, оставив лошадей, пересекли долинку и приблизились к сосне.

Срединный ствол её когда-то поразила молния, и остался длинный продольный шрам, теперь уже заросший.

Ганнибал почтительно подошёл к дереву, положил на тёплую кору ладонь. Мысленно позвал: «Приветствую тебя... Скажи своё имя?». Внутри ствола бегут соки. Под землёй растут корни. Ветви и крона тянутся в небо. Могучая душа живёт под корой не одно столетие. На какие-то мгновения Лекарь ощутил себя этим деревом. Глубина и высота. В небо и землю. Сила, пронзающая через темя позвоночник, чтобы унести к сердцу недр.

Ганнибала шатнуло от этой мощи, он услышал: «Элайя». Шёпот из древа. Оно не готово пробудиться. Но слышит. И дышит. «Я приду к тебе, когда настанет твоё время, – шепнул Лекарь и услышал лёгкий вздох в ответ. Дерево-Лири – очень древнее и пробуждаться ему придётся долго. Слишком тяжёлым грузом легли кольца прошедших лет на его старую

душу, чтобы легко и просто расправить плечи. Но... князь услышал под своей ладонью тёплый пульс, отклик дерева.

И коснулся... души Элайи. Замерло сердце. Лекарь моргнул. Ему не кажется. Он видит душу дерева. Принявшую облик человека. Полупрозрачная, охристо-коричного цвета, женщина с волнистыми, окутывающими фигуру, растающими в землю волосами, того же оттенка. По коже – узор линий древесных волокон. Улыбнулась. Пропала. Оставив в напоминание ощущение взгляда – благосклонного, одобряющего, древнего, материнского. Глубокого и тёмного.

По коже – озноб. Лекарь обернулся:

– Вы видели?!

Йара кивнула:

– Да.

Кара встрепенулась:

– Что видели?! Я ничего не видела... – девушка потускнела.

Хранительница взяла её за руку:

– Держись за меня и будешь видеть то, что вижу я! – она ободрила человеческую подругу кивком головы.

Кара улыбнулась и пожала Хранительнице пальцы:

– Хорошо!

Ганнибал повернулся к дереву спиной и бросил взгляд на долинку, шагнул вниз по склону:

– Она... зовёт! – силуэт женщины-дерева возник посреди поляны, возле небольшой груды камней, и пропал.

Князь и девушки сбежали вниз, Лекарь остановился возле места, на которое указал дух дерева.

– Это очаг! – он наклонился, убрал плети земляники и потрогал круговую кладку камней. Пепел и угли, что когда-то были здесь, начисто вымыли дожди. – Почему... Элайя указала на него?

Князь осмотрелся – больше нигде лика Дерева-Лиры не привиделось. Скорее всего, она уже сделала всё, что могла. Просить о большем – неуважительно и бессмысленно.

Элайя, почему?

Этот очаг?

Ветер шуршал кроной Дерева-Лиры и ветвями раскинувшихся в долинке берёз, пара золотых листочков пронеслась в воздухе.

Йара, отпустив руку Кары, присела рядом с кострищем и вытянула из-под мхов прямоугольной формы предмет, побуревший и заплесневелый. Ощупала пальцами когда-то обтянутую кожей деревянную обложку:

– Это книга! – девушка открыла тошнотворно пожелтевшую первую страницу – краски и чернила слились в мутные разводы, и по всему листу пергамента расплзлись гнилостные пятна.

– И лежит она здесь уже давно, – Ганнибал наклонился, положил флейту на траву и взял у Хранительницы находку. В нос ударили запахи крови и снега. Лекарь замер.

– Что такое? – Йара выпрямилась и снова взяла Кару за ру-

ку.

– Эта книга... связана со мной! – князь сморгнул мелькнувшее было видение зимней ночи. – Я здесь был. И это место мне снилось. Вчера. И сегодня.

Кара подобралась, как птичка:

– И что тебе снилось?

– Как я убивал людей. Когда был Пожирателем.

В голове князя пронеслась мысль: «Я могу узнать, кто они! Колдун и женщина. И что они делали в Лесу...» – за грудиной колко и неудобно сжалось сердце: «Ты действительно хочешь это знать?»

Да! Хочу!

Во всех подробностях...

Взгляд Лекаря потяжелел:

– Я воспользуюсь книгой. Возможно, вспомню, кто эти люди. Иначе... они не дадут мне покоя, – он посмотрел на Кару. – Это может быть опасно, тебе лучше уйти.

– Я... – девушка оглянулась на Хранительницу, перевела взор на Лекаря, – хочу остаться. Если тебе станет плохо, Йара тебя отрезвит. Ведь так? – она бросила утверждающе-вопрошающий взгляд на Йару.

– Так, – девушка-сова кивнула. – С любимым из Хранителей ты в безопасности.

Кара вспомнила сцену демонстрации власти Хранителей над голодным духом, коим по факту является Вересовый князь.

Тай – в облике по пояс обнажённого высокого исшрамованного рыжеволосого человека с бакенбардами, и Ганнибал стояли по разные стороны поляны.

Кара, Рик, Рокки и Йара наблюдали в качестве зрителей.

Хранитель поднял руку и велел:

– Сядь.

С видимым сопротивлением человек-Пожиратель опустился на траву.

– Встань.

Вендиго повиновался.

– Попрыгай на одной ноге! Правой!

– Пошёл к чёрту! – оскорбился князь, однако же выполнил приказ. Лицезреть это было бы смешно, если бы не знание, что легендарный воин действует против своей воли.

– И долго мне ещё прыгать? – спустя время Лекарь вперила злой взор в тигра-Хранителя.

– А, да! Прости, я задумался, – Тай махнул рукой. – Всё, хватит.

Князь перевёл дух.

– Постучи пальцем по кончику своего носа, – Хранитель наблюдал, как голодный дух исполняет его веления. – Возьми себя за нос. Та-а-ак. Сделай «пяточок».

– Та-а-ай! – взрычал князь.

– Всё-всё! – пошёл на попятную Хранитель. – Отпускай! Это была присказка, – человек-тигр обратился к зрителям, – а вот теперь сказка! Нападай! – скомандовал он духу. – Ма-

ленький ведун – твой!

Миг – Лекарь оказался рядом с Рокки и замахнулся, чтобы ударить когтями.

– Стой!

Идеальная реакция – князь замер над ведуном, угрожающе рыча. Чувствовалось, что власть Хранителя не на шутку выводит его из себя.

Ещё бы, ведь она физически впилась в тело, превратив человека-вендиго в куклу на ниточках. Готовую быть и скомоорохом, и оружием, в зависимости от того, что решит хозяин. Хозяин нитей. Пронзивших и тело, и разум.

– Рокиан, отойдите, – попросил Тай.

Маленький ведун с готовностью послушался.

А Хранитель отпустил путы, которыми держал вендиго.

Лекарь яростно мотнул головой, замер, прислушиваясь к свободе. Во взгляде мелькнул призрак Голода, разжигая желание охоты. Никому бы не пришло в голову сомневаться, что он не играет. Тай знатно выбесил князя, и тот сейчас легко обнажил вендиговскую суть. По своей воле, по своему желанию угрожающе двинулся на Рокки. Монстр в человеческом обличье. Ещё немного, и человеческое тело станет оковами, которые понадобятся сбросить. Так показалось Каре.

– Стой! – вновь велел Хранитель. – Иди сюда.

Пожиратель с промедлением повиновался, тихо подвывая, оглянулся на Рокки, вернулся к Таю.

– Достаточно, – поднял руку Рикхард. – Я убедился, что

Кара рядом с вами в безопасности, – он посмотрел на Йару и Тая. – Благодарю, – лесничий кивнул Ганнибалу и Рокиану.

Князь согласно склонил голову. Бледный вендиговский блеск в его глазах пропал.

После Рокки подошёл к Лекарю:

– Как себя чувствуете?

– Не важно, – князь прищурился. – Будет хорошо, если Тая и Йаре никогда не придётся использовать свою власть надо мной, – голос человека-вендиго прозвучал подавленно-глухо.

Он вскинул голову:

– Да! Тай, иди-ка сюда!

– Слушаю, Князь? – Хранитель, собиравшийся уже было податься с поляны, заинтересованно-покорно приблизился к Посланнику Древа.

– Моя очередь! – Лекарь озорно сверкнул проясневшим взглядом. – Превращайся в тигра!

– Зачем? – похлопал глазами Тай.

– Это приказ Князя Леса! Уши отдеру тебе, за пяточок и прочее!

– Ой, нет! – взмолился Хранитель, но подчинился. – Ай! Ай! Ммяу! Ммяу! Ай! – слышались его вопли.

Этой маленькой мстью Вересовый князь развеял своё унижение по ветру.

Но ощущение раба осталось.

Лекарь, держа в руке останки книги, покачал головой:

– И всё же, мне было бы спокойней, если бы ты отправилась домой.

– Нет! – твёрдо отозвалась Кара. – Я останусь. Я хочу... знать, что было и что происходит. Хочу помогать, чем могу.

Йара посмотрела на князя, чтобы по глазам прочитывать его мнение. Неудовольствие, смешанное с заботой и уважением.

Ганнибал вздохнул:

– Это весьма неприятное знание и, возможно, зрелище. Я не хочу, чтобы ты соприкасалась с этим.

– Потому что я ни на что не способна?!

– Вовсе нет, – отозвался Лекарь мягко. – Просто, иначе ты изменишь своё мнение обо мне.

Кара набрала в грудь воздуха:

– Я... – она искала, что сказать, – я не боюсь.

Так ли это на самом деле? Лекарь, затаив в глубине глаз многовековую печаль, созерцал её лицо. Кара чувствовала, что солгала. Ей страшно, очень. Что же толкает её вперёд?

Князь, ведомый невысказанными мыслями, продолжил:

– Моя история пишется кровью, Кара. Я не хочу, чтобы ты маралась о неё. Не омрачай ей свою радостную, безмятежную, лёгкую жизнь.

Девушка сжала кулаки:

– Я всю жизнь мечтала быть чем-то большим, чем просто

Кара Ильза Гроу из Прилесья! Это мой путь, моя судьба – помогать тебе, я знаю!

– Кара! – Ганнибал всплеснул рукой. – Ты уже помогаешь мне более чем! Ты и твой отец! Я вам обязан именем, семейным теплом и кровом! Не впутывайся в мою историю сильнее, чем того требуют обстоятельства! Оставайся там, где ты есть! Дома. Там, куда я могу вернуться... – последняя фраза очень походила на просьбу, а слово «дома» князь произнёс с особым теплом и трепетом, словно держа в руках нечто очень хрупкое и важное.

Но Кара пропустила мимо ушей, не распознала его мольбу, прозвучавшую между строк: «Я хочу, чтобы ты оставалась жива! Пожалуйста! Я хочу возвращаться к твоему теплу и счастью! Я боюсь, что потеряю тебя, если позволю спутаться с судьбой вендиго...»

Девушка выпалила в ответ:

– В моей жизни наконец-то случилось настоящее Приключение, и я не упущу его! – она сглотнула. – Даже если там кровь и боль!

Ганнибал покачал головой:

– Это страшнее и тяжелее, чем ты думаешь, – он усмехнулся, во взгляде сверкнул хищный оскал. – Но если ты так хочешь узнать другую сторону меня – пожалуйста! Я предупредил!

Лекарь подумал: «Пусть учится на опыте. В следующий раз не повадно будет. Зачем говорить, когда можно пока-

зять...»

– Что, правда?! – Кара вскинула голову.

«Ты мне настолько доверишься?!» – хотелось ей добавить.

Нет, даже прокричать. Воодушевлённо-радостно.

– Да, – князь обратился к Йаре. – Держи её за руку, чтобы разделить видение.

Хранительница кивнула, пожалала человеческой подруге пальцы.

Кара, предвкушая ведовские чары, окинула взглядом Лес.

Она получила то, к чему всегда стремилась её душа – видеть и чувствовать то, что недоступно простым людям.

Да, ей всё ещё страшно.

Она вот-вот коснётся льда Зимы – воспоминаний вендиго.

И от этого потрясённо-сладко замирало сердце.

Вот он, шаг в иное пространство.

Иное время.

И иную жизнь.

Глава IV. Раб Голода

Да будет так!

Князь шагнул, оставляя девушек позади, и обозрел поляну, раскрыл наугад книгу – свидетельницу трагичных событий:

– Я попрошу её показать, что произошло в ту ночь. Что будет дальше – не знаю. Или я буду смотреть со стороны, или нырну в происходящее. Не подходите близко.

Йара, держа дочь лесничего за руку, кивнула. Кара, кусая губы, приготовилась видеть прошлое.

Лекарь положил ладонь на разворот и обратился:

– Госпожа книга! Твоя судьба незавидна, прошу прощения за неё и сочувствую тебе. Прошу, покажи, открой то, что произошло здесь, когда ты пала в землю. Что ты помнишь, что ты видела и слышала, поведай!

Князь, смотря перед собой, ощутил, как пространство устремилось к нему навстречу.

Ведун мысленно раскрыл объятия, предельно доверяя происходящему, серебряными струнами пропустил через себя дыхание мира и всеми чувствами нырнул в книгу.

И упал в чернильно-синюю зимнюю ночь. Вихрящийся костёр, хлопья снега. Ведомый воспоминанием книги, князь сел на камень подле очага, пальцы сами перевернули листы на нужную страницу – двести семьдесят третью. Лекарь ощу-

тил вместо своих иные руки – изящные, женские. Она читала у костра. На коленях её – ребёнок.

Лекарь коротко хрипло вздохнул, лёгкие сдавила тяжесть. Ребёнок! Став Пожирателем, князь никогда не трогал детей – хотя бы их! Но младенец... легко мог погибнуть, когда были уничтожены взрослые.

Соберись. Смотри дальше.

Руки закрывают книгу – князь повторяет это движение в настоящем, воспоминание доносит аромат женщины: зелёные яблоки, корица, карамель – и книга опускается на лежащий у костра плащ, а в реальности – на траву. Женщина с ребёнком уходит.

И ветер доносит пронзающий холодом стон:

– Помоги-и-и-ите!...

Сердце проросло льдом. Ганнибал узнал собственный голос. Голос Пожирателя. Многие ли люди вот так... слышат себя со стороны?... хотя, какие люди! Монстры...

Не давая ведуну опомниться, голос взрезал уши воющим криком:

– Прошу!... Помогите!... Умоляю-ю-у-у-у...

Ганнибал схватился руками за голову, забыв, как дышать. Кровь в мозгу вскипела, затмевая зрение тёмной пеленой, собственная память плавно и неумолимо приобняла сзади за шею колкими морозными пальцами, впилась в кожу обсидиановыми когтями, пустив ручейки крови. Пожиратель, дыша в спину вечным морозом и Голодом, мягко перехватил

у человека власть над мыслями и чувствами. Это его память. Его жизнь. Его время. Пальцы на шее сомкнули хватку. Лекарь оказался в собственной шкуре.

Никогда прежде он не вспоминал что-то из своей бытности Пожирателем. Шесть веков проклятья были надёжно спрятаны за спасающей и оберегающей Стеной мрака. Теперь Ганнибал сам по воле случая вызвал воспоминания, что без мелькнувших снов так бы и остались нетронутыми, запечатанными.

Это оказалось слишком больно.

Мироощущение, сотканное из страдания и Голода.

Не умея прийти в себя, человек-вендиго, согнувшись, схватившись руками за голову, легонько мерно покачивался, сидя у очага. Йара и Кара, держась за руки, не смели мешать ему.

Наконец, сознание оправилось от нанесённого удара.

Перед взором посветлело и Лекарь, ощущая себя Пожирателем, смог двинуться глубже в воспоминание. Он чувствовал, как в настоящем из носа, да и из ушей тоже, тёплыми струйками бежит кровь, но не желал останавливаться. Другого шанса вернуться к этой ночи, он чувствовал, не будет. Это один раз. Один раз он влез в воспоминания Пожирателя, и этого более чем достаточно. Более чем достаточно, чтобы не повторять этот опыт.

Боль, тоска, холод. Из них соткано это существо. Которое молит о помощи.

– Кто-нибудь!... Пожа-а-алу-у-уйста-а! – вопль выворачивает душу наизнанку, и князь не знает, кричит ли он наяву вместе со своим прошлым. Хватаясь объятием за собственные плечи, Лекарь пытается удержать рвущуюся изнутри боль. Из этой боли он хочет убить. И затушить ледяной пожар в желудке, причиняющий эту боль. Имя ему Голод. Вендигο чует добычу. И идёт к ней. «Я... должен... узнать!» – усилием воли князь бросает себя в момент, где Пожиратель уже сражается с людьми. Вот он, колдун с узкой бородкой... Крики, вопли... На плащах и доспехах воинов – никаких опознавательных знаков. Звучат имена... Назовите колдуна по имени! Почему это мучительно важно?!

Вот он, образ из сна, колдун смотрит вендигο в глаза... и Лекаря скручивает осознание происходящего: «Колдун?! Я убью его. Сейчас. Как и всех! Боги! Когда это закончится! Нет!» – разум Галена Ирде захлёбывается, Голод заставляет сомкнуть челюсти на жертве, вкус плоти и крови, удар лунного клинка, расправа над людишками, снова лицо колдуна... на этот раз сознание Вересового князя помрачено тьмой, он всего лишь Пожиратель... жаждущий добычи и беспрекословно повинующийся своему Владыке – Голоду. Наступает на грудь. Откусывает голову. Ощущения, захлестнувшие подлинностью, заставили вынырнуть в реальность.

Свет солнца, шелест листвы. Тепло лучей на коже, на одежде. Он человек, человек, во время правления Уйлхарда VI, спустя шесть веков после Войны Шипов! Ганни-

бал до предела вдохнул и медленно выдохнул мягкий летний воздух.

– Князь! – на расстоянии стоят Йара и Кара. Хранительница протянула в сторону Лекаря руку, дочь лесничего стоит бледная, как погребальные пелены.

– Я это я, – уронил Ганнибал. – Это ещё не всё. Ждите... Заглотив воздуха, тепла и света, он снова нырнул в удушьящую тьму.

Монстр хочет догнать женщину, умчавшуюся на лошади. Женщину с ребёнком.

Ганнибал, шатаясь, встал. Повёл головой. Удержал конечности, чтобы не броситься за жертвой наяву. Стал, как пьяный или полусонный, ходить по поляне, видя и чувствуя то, что произошло неведомо сколько лет назад.

Снег, ночь – темень Пожирателю не помеха, а друг. В голове стучит азарт погони, на морде – кровь, внутренности рвёт Голод, торжествующий, подгоняющий – ему мало, мало трупов, оставшихся на поляне, нужно убить всех, всех... чтобы отдохнуть, согреться, наесться, напиться... И отрадно пировать... до рассвета, а может быть, целый день... Тоска, желание, жажда, щемящая мольба об освобождении мешались в сознании, раздирая душу и в то же время держа её в нерасторжимых тёмных тисках. Это правильно, правильно... это нужно... это Судьба, казнь... самого себя... за преступление и кровь... проклятье... это искупление... терпеть и страдать... это правильно... Наслаждаться своей тьмой, то-

нуть в ней, упиваться кровью и плотью, забывать о страдании, растворяясь в утолении Голода, и выныривать на поверхность, в ужасе осознавая: «Чем я стал?!...»

Ганнибал остановился, хватая ртом воздух. Ощущения голодного духа царили в нём, пропитывая отчаянием. Это правда... правда. Он временами... действительно, осознавал себя, как Гален Ирде... Без... надежды... без луча света... понимать, кем ты стал, и что это... будет бесконечно... Вечная кара... до встречи с милосердной смертью от руки колдуна или охотника на монстров... Сами себя вендиго убить не могут...

Ганнибал стоял и смотрел перед собой, видя тёмные ветви и взрытый снег. Во рту кровь, в животе беснуется Голод, вновь мучительный миг озарения: «Боги, кем я был и чем стал!...» – и снова – погоня, разворачивающаяся перед внутренним взором.

– Мастер, это ты?! – до сознания донёсся хриплый крик оглянувшейся в мрак ночи всадницы.

Ганнибал хищно оскалился, и память сама собой вытолкнула из груди слова, прозвучавшие тёплым, бархатным звенящим голосом:

– Да, это я! Скачи, не останавливайся, я догоню! – человек-вендиго закашлялся, схватившись рукой за грудь – чужой голос разодрал лёгкие болью.

Коварный талант вендиго – подражать любым голосам. До сего момента князь без запинки мог кричать и свистеть

любой птицей и зверем, а теперь... заговорил человеком, через воспоминание.

Лекарь сплюнул кровь, пребывая одновременно в ясном летнем дне и в безжалостной зимней ночи. Предвкушение и желание убийства, с последующим пиром, наяву зашевелилось в животе. Усилием воли Ганнибал развеял жуткое чувство, возникшее не ко времени и не к месту.

Лекарь бросил взгляд на девушек, стоящих на краю поляны, и восстановил видение, погнался в воспоминании за тенью в морозной ночи.

Хладнокровно и одновременно в пьянящем предощущении сшиб коня когтистой рукой-лапой, подошёл к женщине. О да, именно так она смотрела на него во снах. За миг до смерти, чарующе-прекрасная в своём ужасе и страхе. Помрачённое сознание прожгла мысль: «Ты сейчас убьёшь её, Гален. Это неизбежно...» И снова мрак, зов внутри, исходящий из проклятого сердца, и когти пронзили плоть. Миг торжества и блаженства, клокочущей жажды и триумфа.

Что-то не так. Монстр оглянулся и увидел свёрток в снегу. Он плачет. Р-р-ребёнок, детёныш-ш-ш... Пожиратель отшвырнул добычу и шагнул к маленькому созданию, настороженно впитывая в уши детские стенания. Склонился и повернул его когтем к себе.

Вскинул морду. Дитя! Майя! Разодранное и изуродованное проклятьем сердце князя скорчилось от боли. Нет! Он больше никогда не съест ребёнка! И тут же сознание монстра

нашло оправдание мгновенному неподчинению проклятью: «Он ма-а-а-аленький, на один зуб!»

Наяву Ганнибал снова схватил самого себя в объятие, ощущая и удерживая огромный внутренний стон, рвущийся наружу. В прошлом же он нашёл выход в алчности Голода. Вендиго, подстёгнутый неисторжимой болью, бросился на добычу – женщину.

Ведун ослабил хватку, опустил руки. Прикрыв веки, сквозь щёлочку глаз отрешённо окунулся в пир монстра, в его чувства. Утоление. Забвение. Спасение. Человек. Чувствовать себя человеком. Какие-то мгновения... крохотные толики того, что даруется человеческим существам на минуты, часы, сутки, дни и годы. Ради этого ощущения можно и нужно убить!

Неутолимая жажда, неисполнимая мечта. Невыразимое желание... заставляли драть, терзать, глотать, хрустеть костями и упиваться внутренностями. Лекарь закрыл глаза.

Он пожирал так... неисчислимое количество раз. И может... повторить это снова. По желанию или против него.

Он не испытывал отвращения. Только признание и принятие, что эти чувства и желания всё ещё живут в нём. Под оболочкой человека – всё тот же Пожиратель. И если Ганнибал-человек вовремя не позаботится о пропитании, то Ганнибал-монстр найдёт добычу сам.

Это должен быть кто-то, кто придётся по вкусу вендиго.

Не отребье, негодяй... а кто-то... достойный, благород-

ный, чистый... Кого можно, подобно Роннину, растянуть на месяц, с почтением готовя какое-нибудь блюдо.

А если попытаться пересилить себя и согласиться на добычу похуже, выбрать нечто из низов человеческой морали? Плата может быть слишком велика, вдруг, Голод взбесится, получив не то мясо, не ту энергию, и качество заменит количеством?

Нужно найти и выбрать жертву. Такие сокровища, как умирающий Роннин, увы, редко на дороге валяются...

Лекарь устало смотрел, теперь уже со стороны, как вендиго подбирает младенца и уносит с собой. Какие... чувства тогда были в сердце? Желание... защитить? Вопреки Голоду...

Всякий раз, видя детей, он вспоминал дочь и... не вредил им. На окраине Леса или в дебрях, добирались ли они до жилища или замерзали насмерть? Этого не узнать...

Воспоминание развеялось.

Лекарь посмотрел на девушек:

– Там был ребёнок. Нужно узнать судьбу ребёнка...

Чутьё безошибочно повело по следам когда-то промчавшихся по лесу лошади и вендиго. Князь миновал место, где прикончил женщину. Во рту всплыл её вкус, перемешанный с яблоками, корицей и карамелью. Какая дикость! Блаженная... дикость...

Лекарь шёл за памятью-монстром, девушки, на расстоянии – за князем. Прошное вывело к невысоким скалам, и за-

тем... в возникшем видении князь шагнул в солнечное утро.

Тай?! Силой Хранителя тигр заставляет Пожирателя подчиниться и отдать ребёнка. Ощущение рабской покорности пронзило всё существо, вызвав в Ганнибале-человеке тошноту, власть Хранителя непоколебима и неоспорима, но внутри монстра мечется гнев, перетекающий в жалобное чувство отчаяния и безысходности. Горесть и потеря. Страх, что с ребёнком что-то случится.

И он подчиняется.

Лекарь выдохнул. Ребёнок остался жив.

А с Таем нужно поговорить. Узнать, куда он пристроил младенца и когда.

Ганнибал почувствовал, что безумно устал. В висках стучал пульс. Князь медленно опустился на землю.

Подошла Йара и тронула его за рукав.

Ганнибал оглянулся на Хранительницу, в его взгляде царил тишина и опустошение. Девушка положила руку ему на плечо и легонько пожала, собрав пальцами ткань рубахи. Лекарь молча кивнул. В голове его звучала донёсшаяся сквозь время и боль просьба, обращённая к Таю: «Не забирай дитя, не отнимай, оставь...» А затем – безнадёжность. Одиночество и тоска. И монстр покорно побрёл за своей судьбой – за кровавой, вожделенной добычей, что на время утолит Голод и на мгновение подарит ощущение себя человеком. Кошмарнейший обман, после которого ещё ужасней на миг пробуждаться...

Тихо подошла Кара:

– Можно, я осмотрюсь здесь?

Ганнибал кивнул:

– Конечно.

Девушка с облегчением покинула застывшее пространство безмолвия и полезла на скалы – благо, подошва походных сапог весьма способствовала тому, чтобы лазить по камням.

Ей нужно было проветриться. Кара держала Йару за руку и видела то, что зрела Хранительница. Образы, силуэты, окружавшие князя. Беззвучные, они нападали и падали, когда Лекарь в сдержанном исступлении бился с ними, ощущая себя вендиго. Образ колдуна, его отрывающаяся и исчезающая в небытии – или в пасти невидимого монстра? – голова, образ всадницы, погоня, которую князь пробежал, наворачивая круги по поляне... Её смерть. А пуще всего – стоны, рычание и вопли самого князя. Когда из его груди вырвался человеческий крик чужим голосом, у Кары чуть сердце не разорвалось, до того это прозвучало болезненно, неестественно и пугающе, вернее, пугающе своим естеством... Перед Карой бесновался голодный дух, проклятый, страдающий и убивающий, и девушка, доселе не видевшая ничего подобного, была более чем впечатлена.

Ей нужно это осмыслить. Разложить по полочкам. И в первую очередь, не подавать виду, насколько сильно её это потрясло. Согнувшаяся фигура князя, схватившаяся

за голову, из его носа и ушей хлещет кровь, и лёгкие раздирает вопль: «Прошу!... Помогите!... Умоляю-ю-у-у-у...» Девушка замотала головой, прогоняя воспоминание.

«Просто, иначе ты изменишь своё мнение обо мне», – что имел ввиду князь? Что она будет смотреть на него, как на голодного духа, а не человека? Возможно...

Менять своё мнение Кара не собиралась. Сегодня в первую очередь она увидела страдание и боль. Кровожадный монстр всё ещё был для неё какой-то условностью, чем-то бесформенным, с чем не придётся столкнуться.

Кара карабкалась вверх по камням, ощущая под руками пушистые мхи и шершавые лишайники, покрывающие острые грани глыб. Ей действительно нужно всё обдумать. А сейчас... лучшее, что можно сделать – это подставить лицо ветру и небу!

Выпрямившись на широком камне, девушка закрыла глаза, ощущая, как потоки воздуха колышут волосы и уносят прочь смятение, ужас, боль, отторжение и страх, угнездившиеся было в сердце.

Рокки наконец-то вручил ей научный труд, на который девушка зарилась три недели. Она узнает о Пожирателях всё, что нужно, и будет готова к встрече с монстром, если так суждено...

А пока... пусть будет только этот день!

Кара полезла ещё выше, ощущая, как к ней возвращается привычное восприятие мира. Вскарabкавшись на вершину,

девушка осмотрелась.

Скалы обрамлялись соснами и раскидистыми кустами рябины – листья её уже побил красный цвет, намекая на то, что близится осень. Листья напомнили кровь. Которую лил монстр Пожиратель и что хлынула из носа и ушей князя.

Кара зажмурилась. Вздохнула. Ей это будет сниться, видимо. Но она не отступит.

Девушка обозрела открывшийся вид – могучее море Леса, дышащее величием и покоем. Ветер, играя волосами, звал глаза и душу в синь горизонта. Рядом среди камней звенел зеленью иголок маленький кедр.

Великий Лес. От Йары дочь лесничего слышала, что обитатели Леса Ганнибала зовут своим Князем. Князь Леса. Звучит красиво. И он точно справится со всем, что на него свалилось. С тем, чего Кара не знает. Но хочет узнать. Чтобы быть причастной. И помогать, как Йара.

Развевая по ветру тяжесть и ощутив покой, а затем и вдохновение, девушка спустилась по другую сторону скал и спрыгнула на устланную старой хвоей и листвою землю. Здесь расплескались прохлада и тень. Кара пошла вдоль камней, поросших мхом и лишаем. Обходя валуны, натолкнулась на большую щель в скале, раздающуюся в небольшую пещеру. Судорожно вздохнув, прикрыв рот рукой, девушка отшатнулась.

В щели белели кости. Груда костей. Целых и поломанных. Раздробленные человеческие остовы и черепа. Все – чистые,

идеально одинокие в своём множестве.

Кара вспомнила, как видела рядом с князем силуэты ре-бёнка и Тая. Здесь, у этих скал, было логово вендиго? Что двигало монстром, заставляло собирать кости жертв? Их... так много...

В животе похолодело, голова закружилась при мысли о том, сколько здесь людей. Их всех настигла смерть от когтей и клыков Пожирателя. Пожирателя, что теперь ходит по земле, как человек. Кара, с бешено стучащим сердцем, ощущая хлад и ужас смерти, развернулась и бросилась бежать, огибая скалы с другой стороны – скорее, на солнце, тепло, зелень и свет, к жизни.

Хватая ртом воздух, дочь лесничего выбежала на полянку, где оставила князя и Хранительницу. Ганнибал сидел там же, где и был, только кровь с лица и ушей отёр, воспользовавшись водой из каменных ям, которых вокруг было в достатке. Йара бродила среди плоских, усеявших землю, плит. Оба вскинули на девушку взоры, Лекарь – устало-недоумевающий, Йара – беспокойно-вопрошающий.

Кара чуть ли не шарахнулась от взгляда князя, удержавшись в последний момент, и поймала побледнелыми губами воздух:

– Там... кости.

Ганнибал, не удивляясь, втянул в себя дразняще щекочущий нервы запах страха и ласково волнующий аромат смятения, лицо его осталось бесстрастно:

– Вот как. Пойду, взгляну.

Каре осталось только уповать, что она не провалила испытание, и что её эмоции не послужили пищей для мыслей князя о том, что теперь она «смотрит на него иначе».

* * *

Ганнибал стоял подле созданного самим собой склада. Архива. Тех жертв, которых зачем-то притащил сюда. Усталость наливалась тяжестью члены. Хотелось спать. Пережитое потрясение оказалось очень сильным. Князь вспомнил предупреждение Посланца-мухомора о том, что он, как возвращенец, обладает очень неустойчивым сознанием. Шаг в сторону, и снова станет Пожирателем. Насовсем. «Нет-нет, я не повредил себе...», – выдохнул Лекарь. – «Всё хорошо, я оправлюсь. Это было не напрасно. Просто, нужно отдохнуть. И в вендиговское прошлое... больше не полезу. Достаточно...» Эти мысли успокоили. И одновременно развеяли сонливость. Человек-Пожиратель потянул носом.

Запах камней, влаги, прелости, прохлады. Эти останки давно омыты временем и дождями. И чтобы узнать их имена и судьбы, жизни не хватит. Если погружаться во всех своих жертв, то жизни, как таковой, и не будет. Она изничтожится виной за прошедшие деяния и потеряет смысл. Вересовый князь вернулся в мир не для этого. У него другой смысл, иное искупление. Ганнибал склонился и взял чью-то боль-

шеберцовую кость, целую.

Закрыв глаза. Погрузился в ощущения, ярко вспыхнувшие при одной только мысли о человечине. Вкус... желанный, тёплый, горячий... влажный, струящийся по горлу, омывающий проклятое сердце и стекающий в ненасытное нутро. В чём была цель твоя, монстр, зачем ты их собирал?

«Их нужно... похоронить...» – тоскливая мысль, не находившая годами выхода, всколыхнулась в голове. Тоска, сострадание, глухая боль, желание... исправить содеянное? Хоть как-то... «Развесёлая у тебя жизнь была, князь», – усмехнулся Ганнибал. Он осознавал себя, как личность, гораздо больше и чаще, чем можно было представить. Слава Богам, что память запечатана Стеной Мрака! Больше Лекарь по своей воле не полезет за неё, не за пожирательскими воспоминаниями!

Проклятый князь вздрогнул.

Слабо потерянно улыбнулся.

Здравствуй, Голод.

Глава V. Голодный дух

Улыбка его стала детской, рассеянной. Ганнибал сел перед грудой костей, держа в руке кость, спросил:

– И что теперь?

Прежде он встречал приход Голода во всеоружии и был уверен в себе.

Сейчас, после пережитого, он чувствовал себя беззащитным, маленьким. Боль, что совсем недавно звучала в воспоминании, постепенно разрасталась, овладевая телом, в настоящем.

– Покорись, сожри, потуши... Исцели эту боль, используй лекарство! Человеческая плоть – твоё лекарство и спасение! – шептал Голод, постепенно взрезая нервы и превращая чувство мира в ад. – Не тяни, чем дольше ждёшь, тем больнее будет!

– Тяну, чтобы понять Тебя... – стиснул зубы Лекарь, осознавая, насколько возможно, чувства. Запоминая.

Течение причины и следствия.

Причина – проклятье, сущность голодного духа.

Следствие – Голод.

На самом деле, он готов был сию минуту подчиниться, ведь лекарство – рядом, в сумке, что был подарена Лесом, что в огне не горит и в воде не тонет, и кровью не пачкается, и вмещает в себе всё, что угодно, и пища в ней не портится.

Последние три свойства были очень кстати. Нет, Ганнибал не таскал в этой сумке куски сырого мяса, но... носил бутерброды. С колбасой.

Страдать не хочется. Совсем не хочется. Сейчас он не сможет вытерпеть дольше. Коротко простонав, ощущая, как ледяные когти Голода вспарывают болью желудок, князь потянулся к сумке, достал из неё то, что нужно.

Голова туманится.

«Прости, что довёл тебя до такого», – бросив кость на груду костей, сказал Ганнибал самому себе. Вот перед кем он ответственен за своё состояние в первую очередь, так это перед самим собой. С собой шутить нельзя. Устанешь, потеряешь силы, потеряешь контроль – и разрушишь то, что важно, то, что сам строил и, упасите Боги, если разрушишь безвозвратно!

За свою энергию и состояние отвечаешь только ты сам. В том числе когда приходит Голод. Тем более, когда приходит Голод.

Во-первых, не действовать сгоряча.

Если ничего не почувствовать – Голод не успокоится.

Двумя кусочками колбасы насытить Пожирателя – это как сотню голодных накормить двумя хлебами. В теории кажется невозможным, на практике... получается.

Пищи, приготовленной по-человечески, хватало монстру в несравнимо более малых объёмах, чем если бы это была свежезаваленная жертва, трепещущая и истекающая кровью.

Лекарь посмотрел на ржаной хлеб и колбасу, на вид вполне обыкновенную, говяжьё, и усмехнулся, возле глаз собрались морщинки. Сейчас князь выглядел гораздо старше возраста, что приписан Ганнибалу Лекарю в паспорте. Сорок семь лет! О нет, гораздо, гораздо больше... Шестьсот семьдесят четыре года, и почти весь этот срок – заточение в мироощущении Пожирателя.

Мутно, дурно. Чувствовать. Знать. Насколько глубокий след оставил в душе монстр. Как он влияет. На настоящее. Вот хотя бы сейчас... усталое тело буквально плывёт, растекается, а Голод вгрызается во внутренности, порождая умопомрачительное желание... превращающее человека в голодного духа...

Лекарь мотнул головой. Он обещал себе... относиться к этому ровно. Нормально. Положительно. Но в минуту душевной слабости, накатывают ненависть и отвращение. К самому себе. К своей потребности.

Князь зло посмотрел на необходимое ему мясо, и в голову пришла мысль, что заставила человека-вендиго изумлённо рассмеяться. Он вспомнил, что счастливчик! Вспомнил про других голодных духов, что караются непреодолимой тягой к нечистотам или разлагающимся трупам! Ему ох как повезло! Охотиться на людей – это благородно. Даже красиво. Он не теряет самоуважения, в отличие от тех несчастных, он находится на ступень выше их, если не на десять!

«Ты то, что ты ешь», – для него эта фраза буквальна. –

«Ты ешь человека, значит, ты человек». Ему доступна роскошь, что так желанна, но недостижимая для остальных Пожирателей, что и не грезится иным голодающим сущностям. Быть человеком.

Счастливчик.

Ганнибал пришёл в необходимое состояние духа, чтобы поесть так, как надо, а именно возвысился над вымораживающим внутренности ужасом. Хоть Голод и танцует в животе нечто плавное и в то же время скручивающее нервы в тугой узел. Зато Ганнибал осознаёт себя. Контролирует процесс. И может им сполна насладиться.

Взять всё, что можно. Всеми чувствами.

И насытиться.

Малой для Пожирателя мерой.

Лекарь закрыл глаза, вдохнул аромат. Лавровый лист, герань и остролист. Это личный аромат доброго старика Роннина. Его плоти. К дурманящему запаху мяса присоединились горько-пряные, медоватые ноты шафрана, тёмно-острые – чёрного перца и дерзко-гордые – базилика. Ганнибал готовил для себя, разумеется, только для себя, и положил те специи, которые ему нравились. Да, ещё кардамон и шлейф мускатного ореха. Роннин бы точно оценил.

Увы, жира было слишком мало, чтобы сделать мясо более мягким и нежным, но оно всё равно – божественно. Придираться было бы кощунственно. И также кощунственно было бы мешать его с мясом других существ. О, нет! Только

оно. В чистом виде. Человеческое мясо. Приготовленное бережно и с любовью. Как молитва благодарности. Миру. И человеку, что подарил своё тело перед смертью Пожирателю, завещав в первую очередь сварить «суп с рёбрышками».

Ганнибал помнил вкус этого супа, также как и вкусы всего того, что готовил после. Не забывать, нести в душе, благодарить за каждый вздох и мгновение... Без Роннина он бы тогда совершил преступление, забрал бы чью-то жизнь... не узнав, что правильно приготовленной пищи монстру нужно гораздо меньше, нежели сырой.

Роннин во всех отношениях оказался бесценным подарком, от кончиков пальцев и до мозга костей. Вместе со своей библиотекой и завещанием. Библиотекой, что вобрала в себя апокрифические предания о возвращении Вересового князя.

– Благодарю, – проронил Лекарь в тишину, сцепив пальцы. Сидя, скрестив ноги, на большом плоском камне, перед двумя кусками хлеба с колбасой.

Ветер ерошил волосы, пятна света плясали вперемежку с теньями листвы по плечам и голове. Молитва благодарности голодного духа в человеческом облике. Князь вздохнул, открыл глаза.

Голод взвился, требуя желаемое.

Ганнибал взял кусок колбасы, легонько его надкусил, ныряя во все грани вкуса. «Ты получаешь всё, что тебе нужно. Тебе всегда всего хватает. Тебе всегда хватает пищи. Тебе

всегда хватает мяса. Тебе всегда хватает человека. Тебе хватает счастья и любви», – с каждым укусом Лекарь повторял эти слова, физически ощущая, как внутри словно латается глубокая бездонная дыра, из которой приходит Голод. «Тебе хватает этого мяса. Тебе хватает его, чтобы быть человеком. Тебе хватает его, чтобы быть счастливым...» С поклоном – второй кусок колбасы, также вдумчиво, чувствуя все ощущения. С первым куском латалась дыра, со вторым пришло блаженство, будто поднявшее всё тело над землёй и подарившее безмерный покой. Всё хорошо, всё – на месте, всё – правильно и происходит вовремя. «Я исцелён», – Лекарь облегчённо вздохнул, продолжая ловить эйфорию, разбегающуюся по телу искорками наслаждения. – «Как же хорошо!» – он зажмурился и замурчал большим довольным котом. Игривость, ласковость прикормленного счастливого существа залили ощущения, хотелось обниматься, тереться, бегать и играть, нашёлся бы только объект для выражения этой радости. Ганнибал, беспечно блаженно улыбаясь, покрошил хлеб птицам и другой живности. Хотя бы так он может разделить свою трапезу с миром.

Балуя лаской, припекало солнце. Прищурившись, Лекарь глянул на светило. Можно возвращаться к людям, к Каре.

Князь хмыкнул.

Будем надеяться, девушка получила своё и поостынет. Пожиратель внутри с тёмным удовлетворением вспомнил маняще-колкий запах её страха, а человек с горечью вспом-

нил этот самый страх, в глазах.

Но не хотелось думать о горьком.

По всему телу растекалась благодать. В таком состоянии, Ганнибал чувствовал, он может обнять и объять весь мир. Найти бы средство доводить Пожирателя до блаженства каким-нибудь иным способом, не кровавым, тогда бы князь был бесконечно счастливым.

Увы, он счастлив уже сейчас.

Пища Пожирателя делает его счастливым.

И за это счастье он обречён убить. Забрать жизнь. В лучшем случае, он просто поможет кому-то умереть. Или будет рядом, пока кто-то умирает.

Время покажет.

Завтрашний день покажет.

* * *

Рокки, стоя у крыльца избушки, удивлённо поправил на носу очки:

– Надо же!

Лекарь, его же голосом, подтвердил:

– Именно. Мне теперь подвластны любые голоса, – князь с лёгкостью перешёл на звучание Кары. – Мужские, женские... любые! Ла-ла-лаи-и-и-и-и-и-и! – он виртуозно взлетел на колоратурное сопрано, из-за чего Кара, сидящая рядом на скамье, не выдержала и расхохоталась, прикрыв ру-

кой рот. – Да, – Пожиратель продолжил голосом Рикхарда, – вот так вот.

Рокиан снял очки и протёр их платком, водрузил обратно:
– Что я могу сказать, поздравляю! Уверен, у вас в запасе много способностей, которые вам ещё предстоит обнаружить! Человек-вендиго – это нонсенс для научного мира, никто не покажет вам, кроме вас самих, на что способно это существо!

– Согласен, – Ганнибал перешёл на свой голос, в оберегающем движении поглаживая яремную ямку и ключицы, – Правда, это далось с болью, и всё ещё, – он кашлянул, – лёгкие и горло немного режет.

Рокки пожал плечами:

– Увы, существование голодного духа неразрывно связано с болью, тут будьте готовы ко всему.

Ганнибал кивнул.

Кара смотрела на князя и с облегчением чувствовала, что страх, испытанный ею в долинке и подле скал, истончился и потерял свою власть. Ганнибал снова был для неё человеком. Обладающим необыкновенными способностями, но человеком.

«Он убивает и ест людей», – шепнул ей на ушко ласковый внутренний голос. – «Вспомни, как он убежал из дома Тины, когда вылечил Моллина, и вернулся утром, спокойный, довольный, ещё и на лошади. О чём он договорился с тем человеком, как? Как убил его? Как... съел?» – вопросы, пуга-

ющие и притягивающие одновременно, взбудоражили душу и вздыбили сердце, оно понеслось клокочущим галопом. – «Кого ещё он убивал, исчезая в ночи? И кого... убьёт?»

Каре хотелось верить, что тот «очень хороший человек», научивший князя «поступать правильно» – пока что единственная жертва вендиго. Но ведь будут другие...

И это не упырь, который может не пить людей досуха, а людоед! Живую руку или ногу воссоздать – это проблема даже для самых могущественных колдунов! И ведь Пожиратели... ненасытны... Им нужно много, много людей! Как князь держится на одном том «очень хорошем человеке»?! Кара помотала головой.

Ей хотелось и не хотелось знать ответы.

* * *

Вечером Ганнибал сказал, что вернётся через два дня, может, раньше, и ушёл. Кара предположила, что вендиго нужен ещё один «очень хороший человек». Или уж кто подвернётся. И от этой мысли её бросило в холод.

Когда Рокиан устроился на своём любимом чердаке, девушка, взяв подсвечник, села за стол и подвинула к себе ту самую книгу, под названием «Описание видов голодных духов и их мира, составленное Дж. Г. Кроутли». Кара посмотрела на потрёпанную тиснёную обложку, провела пальцами по силуэтам изображённых на ней существ. Все они – непри-

глядного или пугающего вида, слева легко узнаётся тощий рогатый силуэт Пожирателя.

Как описывают вендиго научным языком? Что из общепринятого она о них не знает? Познания о вечно голодных монстрах-людоедах ограничивались в кругозоре девушки сказками и преданиями, и она впервые имела дело с научным трактатом о них.

Длинное предисловие, историография, методы исследования преодолены, Кара перелистнула страницу, и её взору открылась глава: «Понятие. Виды голодных духов».

Определение, начинающееся расписной буквицей, гласило:

«Голодные духи – существа, имеющие физическую форму и бродящие по подлунному миру в поисках пищи. Их общие черты – ненасытность, постоянно переживаемое страдание из-за мук голода, невозможность его утолить».

Девушка глотнула чаю, чувствуя, как колени прошибает озноб.

«Упыри – существа, близкие по ряду признаков к голодным духам, но выделяемые в отдельную категорию. Они относятся к классу нежити, тогда как голодные духи находятся на более низкой ступени бытия, нежели живые мертвецы.

Посему в данном труде упыри не рассматриваются, далее поведаю о самых распространённых и весьма редких голодных духах», – Кара, чувствуя, как отбивает удары сердце, скользнула взором по странице ниже, держа в голове холо-

дящую осознанием мысль: «Голодный дух – это постоянно переживаемое страдание. Он страдает. Постоянно страдает? Нет... он ведь... не всегда, чувствует голод?...»

Чёрные витиеватые буквы отмечали характеристики страшных существ.

«Прёта, мн. ч. прёты – самый распространённый вид голодных духов» – буква изображала существо, похожее видом на пузатую бутылку, стоящее в дверном проёме посреди избытка снеди. – «Имеют вид людей с чрезвычайно раздутыми животами и очень тонкими шеями. Расхожая фраза характеризует их так: „рты размером с игольное ушко и животы размером с гору“. Вечно голодны, но не могут принимать пищу, так как любая попытка проглотить её будет чрезвычайно болезненна. Постоянно пребывают в поиске пищи и постоянно страдают от невозможности удовлетворить своё желание» – девушка перевела взгляд на чёрно-белую иллюстрацию: отвратительно раздутая прикрытая только в стыдных местах человеческая фигура, выпирающие кости, невероятно уродливая тонкая шея, горящие глаза и крохотный рот. Во взгляде звучит отчаяние.

Кара стала дальше читать описание: «Подтверждений, что преты могут говорить, не найдено. Очевидцы рассказывают, что они издают лишь свистящие звуки, напоминающие голоса птиц. Скорее всего, эта особенность обусловлена строением их рта. Осознанности и трезвого мышления в их поведении не обнаружено. Скапливаются на свалках, в забро-

шенных селениях. Случаи нападения на человека не известны. Промысловой ценности не имеют.

Способ освободить: накормить благословенной пищей», – Кара сдвинула брови: «Как можно накормить прету, если ему больно глотать?!» – расшифровка, видимо, давалась уже в главе, посвящённой этим духам. Краткая характеристика заканчивалась словами:

«Традиционно считается, что претами могут стать люди, совершающие злодеяния из жадности. Также колдун из чувства мести за собственное неудовлетворённое желание может проклясть человека и сделать претой. Говорят, в таком случае чары возможно снять. Как именно, мне неизвестно».

Кара перевернула страницу. Далее – гаки.

Буквица представляла собой тощее обнажённое человеческое существо, тянущее руки к отхожему месту и нечистотам. Кара отставила от себя чашку с чаем и стала читать:

«Гаки – голодные духи, проклятые тягой к отвратительным и унижительным явлениям человеческой жизнедеятельности. Согласно поверьям, превращение в гаки – обратная сторона преступлений, совершённых из ревности. Освободить гаки можно сильной искренней молитвой и специальным очищающим обрядом. Описание обряда см. на странице...»

Девушка, не желая читать подробности существования этих страждущих тварей, перевернула страницу и взгляд её упал на иллюстрацию: одетое в лохмотья мускулистое чело-

веческое существо тащит в зубах разлагающийся труп. Подпись: «дзикининки».

Буквица – прилично одетый человек днём и монстр-падальщик ночью. Описание: «Дзикининки – духи-людоеды. Тяжёлые прегрешения заставляют душу обернуться этим существом, одержимым стремлением найти и пожрать человеческий труп. Дзикининки, в отличие от прет и гаки, обладают ясным сознанием, помнят прошлое и ненавидят свою отвратительную тягу к мёртвой человеческой плоти. Днём существуют как люди, продолжая заниматься тем родом деятельности, что был им свойственен до превращения в голодного духа, ночью являют свою суть и отправляются на поиски пищи. Способ освободить: совершить какие-либо действия, исцеляющие его душу, например: дух в прошлом потерял свою невесту и страшно отомстил её убийцам (см. историю Юария Саргона). Следовательно, милосердному человеку вместе с дзикининки нужно спасти чью-либо невесту, искупить грех духа и с искренней молитвой отправить душу проклятого на Небо. Подробности см. на странице...» – Кара глотнула уже остывающий чай и заела его печенькой. Сердце мерно отбивало удары, девушка чувствовала, что на следующей странице ждёт то, что ей нужно.

Шорох пожелтелой бумаги. «Вендиго». Изображено существо не то, которым оборачивается Ганнибал, а... страшнее... хуже... слишком человекоподобное. Тёмная истощённая фигура с удлинёнными руками и ногами с жуткими

когтями, разветвлённые рога, пылающие глаза, клыки, жутко выпирающие кости. Таким он был. Шестьсот тридцать семь лет.

Вокруг монстра изображён зимний пейзаж с голыми ветвями деревьев и кустов. Буквица – вендиго вцепляется клыками в жертву – почему-то именно женщину, – и разрывает её руками на части, льётся кровь. Кара сглотнула, чувствуя, как по телу разливается мертвенный – а может зимний, холод.

Ощущая, как горло и лёгкие стискивает дрожь, девушка стала читать: «Вендиго или Пожиратель – дух-людоед, исчадие Зимы и олицетворение Голода как такового. Самое агрессивное существо из голодных духов, одержимое желанием убить и пожрать человека. Огромная физическая сила, всяческие уловки, подражание голосам, возможность призывать волков, воронов и других живых существ делают Пожирателя невероятно опасным и непредсказуемым противником.

Становятся вендиго люди, употребившие в пищу человеческую плоть, освящённую определённым ритуалом, после чего следуют необратимые изменения в душе и теле и постепенное превращение. Нравственные качества жертвы и чистота её помыслов в данном случае веса не имеют. Изменение души сопровождается откровенной жестокостью, кровожадностью и алчностью, желанием причинить боль и нарастающим чувством голода, который невозможно утолить ни-

чем иным, как человеческой кровью, а затем и плотью.

Промысловая ценность: в прошлом когти и клыки вендиго использовались, как оружие против самых опасных существ, таких, как василиски, кокатрисы, драконы. В настоящее время оружие на их основе считается элитным и коллекционным, а порошок из когтей и костей – ценнейшим ингредиентом для зелий.

Также клыки и когти Пожирателя, наравне с лунным железом – практически единственное оружие, которым можно нанести этой твари ощутимый вред. Ещё одно средство – это огонь, но могущественные вендиго способны загасить его порывом ледяного ветра.

Приходят эти твари в населённые земли с Зимой, большую часть времени года обитая на Севере. Род людской спасает то, что по сравнению с другими существами вендиго очень немногочисленны. В год, предшествующий написанию сего труда, было зафиксировано 766 случаев встречи с Пожирателем, семьсот три из них закончились гибелью одного или нескольких человек», – Кара прикрыла книгу и взглянула на год издания – ага, пятьдесят лет назад. В душе шелохнулась мысль: скольких из этих людей убил именно Ганнибал?

Вздыхнув, девушка снова нырнула в книгу: «Признаков светлого сознания в поведении не обнаружено.

Способ освободить: убить. Но смельчак, решившийся на такое благое дело, в большинстве случаев погибает сам.

Способы защиты: оружие из лунного железа, магия стихии Огня вкупе с отпугивающими чарами, искусством сотворения иллюзией и удачей.

Подробное рассмотрение вендиго см. на странице...» – Кара выдохнула и с шумом перелистнула книгу на необходимую главу: «Вендиго. Легенды о происхождении. Ритуалы создания. Этапы превращения. Бытование. Освобождение».

Девушка погрузилась в чтение, и на время мир вокруг перестал для неё существовать.

Впечатления. Ощущения. Ассоциации. Хватали. Бросали в дрожь, щипали глаза, стискивали горло. Остывающий чай залпом выпит. Перелистываются страницы, от души украшенные чёрно-белыми иллюстрациями. Было далеко за полночь, когда Кара, осилив всё о вендиго, наконец-то вернулась в реальность. Отёрла лоб, посмотрела на огарки свечей – она даже не помнила, как меняла их.

Повеяло морозным холодом... Показалось!

Девушка, переводя дыхание, вслушивалась в тишину. Вендиго здесь быть не может! Ганнибал... ушёл... в Лес! При мысли о Вересовом князе сознание объяли лёд и голод. Ненасытный голодный дух!

Нет-нет, она не должна так о нём думать, она обещала самой себе! И ведь хотела, сама хотела знать правду. Руки светло дрожью. Она справится. Это всего лишь книга, и реальность... не такая пугающая? Или ещё более пугающая?

Кара слушала стук своего сердца, боясь мыслить, бо-

ьясь того, куда могут завести размышления. И подпрыгнула на месте, заслышав скрип. Половиц. На чердаке.

О Создатель, это всего лишь Рокки!

К тому времени, как маленький ведун спустился вниз, Кара уже успокоила дыхание и, как могла, согнала бледность – похлопала себя по щекам, помассировала лицо и руки.

Ведун подвесил над очагом чайник:

– Ну как? – он кивнул на книгу.

– Что, как? – Кара обняла себя руками, защищаясь от воспоминаний и ассоциаций, вяжущих холодом и голодом.

– Ты нашла в книге то, что хотела? – Рокки призвал в очаг огонь, а вместе с ним – ощущение безопасности, сразу разлившееся по комнате.

– Я не знаю...

Ведун поднял взгляд:

– А чего ты хотела?

Девушка открыла было рот, но Рокки засуетился:

– Подожди! Сейчас, чай закипит, и поговорим!

Ведовской огонь быстро и весело согрел воду и чайник призывно засвистел.

– О, уже! – человек налил себе и Каре душистого чаю с лекарственной ромашкой, мятой и дикой малиной. Над чашками поползли витиеватые узоры белого пара.

В очаге пламя лизало и с хрустом пожирало дрова, принося в ночь столь необходимые тепло и уют.

Кара придвинула к себе чашку, обняла её ладонями, бла-

годарная тому, что Рокки дал время собраться с мыслями. Пусть они всё ещё прыгали с одного на другое.

– Ну, – девушка погладила пальцами хрупкий фарфор, – я хотела знать, насколько он человек и насколько – голодный дух.

Она не хотела произносить слова «вендиго» и «Пожира-тель», слишком роковыми и жуткими они выглядели после погружения в книгу.

– И? – Рокки отхлебнул чаю.

– Ответ на этот вопрос я не нашла... Зато, – девушка сглотнула, – поняла другое. Что существуют голодные духи, чья участь может показаться ещё более ужасной!

– Это верно, – покачал головой ведун. – Но вряд ли здесь допустимо сравнение, кому из них лучше, кому – хуже. Все они страдают. Неизлечимо и до тех пор, пока их не освободят.

– А князь? – Каре сдавило сердце при мысли, что он обречён до конца своих дней.

– Ну, – ведун повёл шеей. – Он – такой же голодный дух. Не человек, как бы ему этого ни хотелось. Великое Древо дало ему форму человека, только и всего, – Рокиан глотнул чаю так, словно запил обжёгшие горло слова. – И свою сущность он не обманет!

– Значит... – Кара чувствовала, как пугающее, стынувшее онемение медленно пало, расползаясь, на её грудь, руки и лицо. Хотелось стянуть это ощущение, как некую паути-

ну, но пальцы отказались слушаться. – То, что в книге... всё в силе, всё правда? Про него, как Пожирателя?

– Безусловно, да, – вздохнул ведун. – Но у него, в отличие от других Пожирателей, есть какой-никакой выбор.

Кара кивнула, робко отпив чаю. Кажется, бока чашки стали отогревать пальцы. Слава Создателю! Девушка собралась с духом:

– Н-насколько он тогда человек?!

– Настолько, насколько может, – Рокки положил себе в чашку сахару, помешал ложечкой. – А может многое, – добавил он.

– Он хочет меня съесть, да? – сердце Кары опалило жаром.

– Насколько знаю, – Рокиан хмыкнул, – он всех людей в той или иной мере хочет съесть. Кого-то – больше, кого-то – меньше, но тебя, милая, да – больше всех. Твой запах ему кого-то напоминает.

– Вот как... – девушка опустила взгляд, подняла. – Насколько это опасно, насколько... дразню его?

– Хах, – ведун глотнул подслащённого чаю, – если бы это было настолько опасно, насколько ты подумала, то мы бы не позволили тебе быть так близко. Ты помогаешь ему, находясь рядом, в прямом смысле. С тобой ему проще выходить на тропу прошлого.

– Спасибо... Что вы мне доверяете. Ты и он.

– Что ж ты так! – улыбнулся человек. – Это же Приключение! Случившееся со всеми нами! Конечно, доверяем!

Но... – Рокки понизил голос, – когда в нём проснётся Голод, держись как можно дальше.

– Про Голод почти ничего не написано в книге, – девушка смотрела в свою чашку. – Что он такое... изнутри?

– Я не расспрашивал, – сухо посмеялся Рокки. – И вряд ли стоит спрашивать. Это мука голодного духа, которую словами не передать. И, – смех ведуна стал ещё более сухим, – всё-таки, это счастье князя, что эльфы не вздумали сделать его гаки или претой!

– В-верно, – девушка содрогнулась. – Кстати об эльфах... – Кара подняла взор, и в нём блеснул вопрос, полный ужаса и сочувствия, – кого они принесли в жертву, для превращения? Это была Майя, да?

– Да...

Они замолчали, каждый думая о своём. Но думы их были сходны: «Как жить, когда ты съел своего ребёнка?» Пусть это и произошло шесть веков назад. Обманом.

Рокиан, словно бы венчая разговор, озвучил ответ на вопрос, который Кара не решалась задать:

– Да, он ест людей. Это его спасение от Голода. И... – ведун потёр себе шею, – он их готовит. Так Голод насыщается быстрее. Разумеется, готовит он только для себя.

Сцены, представленные воображением, показались Каре отвратительно невыносимыми. Она прижала тыльную сторону ладони к губам, смотря перед собой.

– Ему это нравится? – тихо произнесла она.

– Да. Как голодному духу. Очень. А как человеку... – Рок-иан шумно вздохнул, – не знаю. Думаю, он и сам не знает. Но для него такое блюдо – высшее наслаждение.

Кара медленно и плавно кивнула.

У неё тошнотворно мягко кружилась голова.

Ганнибал – голодный дух.

Людоед.

Чей хозяин – Голод.

Перед которым падают ниц любые желания и привязанности.

Дрова в очаге, прогорев, обвалились и полыхнули искрами.

Кара вздрогнула.

Прямо сейчас, где-то там в ночи её друг, князь-людоед, охотится на человека. Девушка потёрла себе виски.

Вспомнились слова Рокки: «Он – такой же голодный дух. Не человек...»

Каре не хотелось верить, что это приговор.

Глава VI. Посланник Смерти

В вечерних сумерках хрустели под ногами сучья и шишки. Ганнибал, с сумкой на плече, вышел на опушку и осмотрелся:

– Тай, я знаю, что ты здесь! Выходи!

Тигр мягко выпрыгнул из-за кустов:

– Почуял – хор-р-рошо! – Хранитель, довольный, прищурился.

Лекарь скрестил у груди руки:

– Йара передала тебе, что мы сегодня видели?

– Да, – Тай сел и обвил лапы хвостом. – Я никому не говорил, потому что никто и не спрашивал. Лара могла бы не одобрить такой поступок, посчитав его вмешательством в Судьбу, – он, смотря в землю, зачерпнул лапой хвою, покошачьи отряхнул пальцы. – Это Кара, Князь. Тот ребёнок, – Хранитель поднял морду, взгляд его сверкнул янтарём. – У Рикхарда тогда совсем недавно умерли жена и дочь, мне показалось уместным... отнести ребёнка ему, – Хранитель повёл головой, поднял уши. – Как думаешь, я был не прав?

– Кара, вот как, – Ганнибал сдвинул брови, глядя на тигра. Вот почему лицо колдуна, его имя чувствовались мучительно важными! Также как и лицо женщины... Они связаны с Карой. Аромат клубники, молока и мёда из прошлого тоже связан с Карой. Можно ли через воспоминание узнать, к чьей

семье, роду она принадлежала?! Принадлежит... Такая охрана, колдун в сопровождении, сохранение инкогнито – ни гербов, ни нашивок. Кара, кто ты?

Лекарь посмотрел тигру в глаза:

– Думаю, ты был прав. Безусловно, прав. Оставлять ребёнка в Лесу, на растерзание холоду и зверям! – он махнул рукой. – Не допускай и мысли, что можно было бы поступить по-другому!

– Да, но... – Тай пошевелил ушами, опустил взор, – я мог бы отнести её в деревню... А тут, решил... оставить поближе к себе. И заодно лесничего утешить, порадовать... – тигр вскинул морду. – Понравилась она мне! И приглядывал я за ней... все эти годы... – Тай повёл головой. – Меня тревожит, что я поступил не как Хранитель. Хранитель бы, рассуждая трезво, отнёс её в деревню. Хотя, о чём это я, – тигр оскалился, – согласно правилам, Хранитель бы не вмешивался и оставил её в Лесу! Идти в деревню – это нарушение вообще всех правил! – он встал, гневно размахивая хвостом. – Меня... – Тай перешёл на рычание, – терзает, что я поступил не по правилам Леса! И умолчал об этом Ларе... Она и не знает, что дочь Рикхарда умерла сразу после того, как родилась!

– Тай, – Ганнибал присел рядом с тигром, положил руку ему на шею, – вспомни, что соблюдение законов, установленных Верховными Хранителями, помогло Лесу пережить эти шесть веков, но теперь – всё по-другому. Вместо нового

Верховного Древо выбрало меня, и новому времени нужны новые поступки. Ты поступил правильно, ты поступил по-человечески. Спас жизнь ребёнку и, сопереживая горю Рихарда, подарил ему дочь и смысл жизни! Одним поступком ты спас два существа! Только подумай об этом!

Глаза тигра зажглись, как яркие звёздочки:

– Я знал, я знал, что так и есть! – он радостно потёрся о руку князя. – По-человечески, говор-р-ришь, – тигр мурлыкнул. – Мне нравится, как это звучит. Это слово – «по-человечески».

Ганнибал, улыбнувшись, потрепал его за ухом:

– Мне тоже, – Лекарь выпрямился. – Я покину вас на время, пойду в деревню, в город...

– На охоту?

– Да.

– Тогда, доброй охоты, Князь!

– Благодарю, – Ганнибал усмехнулся.

Видеть, как Тай тоже тянется к человеческому, человеческой жизни – менее явно, чем Йара, но всё же, – было и трепетно, и отраднo. Они оба, равно как и князь, когда-то были людьми.

И сейчас, поговорив о человечности, Ганнибал отправится охотиться на человекoв. Пусть охота будет доброй. И лёгкой. Удачной. Бескровной?

Вендиго жаждал крови.

Человек постарается её не допустить.

Возле чернеющих силуэтов елей князь обернулся:

– Да, насчёт Кары. Без Рикхарда мы не вправе решать, когда и как сказать ей правду. Полагаю, она видела, как ты взял ребёнка у меня-Пожирателя. Спросит – скажешь, что вверил младенца в заботливые руки. И это не будет ложью. Передай Йаре.

Тай кивнул и, оставшись на полянке, растянулся на траве и промурлыкал: «По-человечески. Кару я люблю по-человечески». И в тигриной груди разлилось очень тёплое чувство.

* * *

Дорога на Балдуэдд обрамлялась в полях огоньками двух деревень – Ящерки и Хмурилы. Лекарь решил заглянуть сначала в них.

Достал из сумки, надел на шею можжевеловый амулет Сокрытия, светлой и тёмной палочками и бусиной между ними создающий крышу «домика». Под его защитой никто не заподозрит в высоком северянине Вересового князя.

Ганнибал спрятал талисман под платок. Вот и всё. Приготовления окончены. Время делать дело. Дыхание и сердце спирает сильнее, чем перед битвой. Потому что это не битва. А охота. Жизненно. Необходимая. И равно. Ужасная.

А для вендиго – естественная.

Сбросив мгновенное онемение чувств, Лекарь настроился на пространство. Он поймёт, кто жертва. Узнает её. Время

искать.

На острие ощущений. И знаков мира.

Итак, Ящерка. Извилистые улочки, двускатные крыши, дома – местами покосившиеся.

Тишина, свет в окнах – подле города не принято рано ложиться спать. Собаки не лают – Лекаря они чувуют, как друга, как Посланника Леса, как Большую Главную Собаку, Вожака. И не нарушают тишину, чувствуя немое веление Князя.

За дверьми и окнами – запахи людей. Поздних трапез.

О жители Ящерки, знали бы вы, что сейчас по вашим улицам бродит людоед и выбирает жертву!

Ароматы людей – приятные и не очень, здоровые и больные, в расцвете лет и старые, детей в расчёт Пожиратель не берёт – они защищены призраком Майи, хотя были бы самой лакомой добычей.

Ганнибал остановился перед высоким ладно сложенным домом. Его привлёк аромат лаванды, приморского кипариса и льна. Сильный, прекрасный аромат, от которого у человека-вендиго даже немного закружилась голова от предвкушения. Это... женщина. О, нет. Лекарь, созерцая на окнах подсвеченные настольной лампой горшки с геранью, помотал головой.

После сегодняшних пожирательских воспоминаний у него точно не поднимется рука на женщину. Да в принципе не поднимется рука на женщину! Только если это будет какая-нибудь иссохшая добросердечная старушка...

Вендиго внутри возмутился. Разумеется, он хочет сильную молодую дичь! «Ш-ш-ш, остынь! Роннин же тебе был по нраву!» – осадил и успокоил самого себя князь. – «У тебя будет хорошая добыча, ищем дальше!»

Ганнибал обошёл все дома. Несколько раз кто-то выходил на улицу – подымить самокруткой, и князь тогда, как хищник, прятался в тени. Запахи этих курильщиков вендиго не нравились, и все незадачливые любители табака целыми и невредимыми вернулись домой.

Лекарь сел на скамью в благоустроенном центре деревни. Светил серп луны – ровно также, как месяц назад, когда в мир вернулся Вересовый князь. Страшно. Страшно решиться отнять жизнь. Не для защиты или торжества справедливости, а для пищи. Просто, думай, как вендиго, будь им, как тогда, когда взлетел на крыльцо Роннина, алкая добычи. Представь, что охотишься на оленя. Олени Великого Леса разумны, они чувствуют и любят, как люди. Разговаривают. Убить оленя и человека – равноценно. Также равноценно, как срубить дерево в Великом Лесу.

Все существа в мире обладают душой, что жаждет любви и счастья! Кто-то более разумен, кто-то – менее, и одни поедают других, чтобы быть здоровыми, счастливыми и сильными! Что же остаётся?...

Князь сдвинул брови. Чтить. Уважать. Принимать. Отдавать. Только это и остаётся.

Он обозрел раскинувшееся вокруг пространство нарож-

дающейся ночи. На чернильный покров незримые руки небесных духов набрасывали нитями жемчуга звёзды, зовя сказкой невыразимого и прекрасного.

Весь мир вокруг разумен и жив. Занять своё место и выполнять волю Предвечного, Невысказанного...

Причиняя как можно меньше боли и неся любовь. Боль придётся причинять. И утолять любовью.

Князь встал.

Хорошо, ясно. Допустим, в этой деревне ни один запах не подошёл, даже та женщина, тем более та женщина! Быть может, в Хмуриле повезёт больше.

Вендиго покинул одно селение и направился в другое.

Хмурила – прямые улицы, односкатные или мансардные крыши. Деревня контрастов – богатства и бедности. Высокие заборы и полуразваливающиеся штaketники. О, у хмурильцев есть больница.

Ганнибал, дыша ночным воздухом и тишиной, шёл к вытянутому одноэтажному зданию лечебницы, раздумывая над причиной, по которой он может среди ночи заявиться. Лицензии доктора-врача у него пока нет...

«Ты просто бои-и-иш-ш-шься», – прошипел внутри вкрадчивый голос. – «Боиш-ш-шься сделать шаг и признаться, что тебе это действительно нравится – ходить и выбирать жертв. И забирать их. Прикоснувшись к этому раз, ты захочешь ещё...» – сей пронзающий голову шёпот стал обретать очертания Голода. Нет!

Лекарь остановился, переводя дыхание.

Проклятое чувство отступило.

Голодный дух поднял голову и увидел в здании больницы распахнутое окно.

Принюхавшись и прислушавшись – бодрствующих в комнате не было, – человек-вендиго легко перемахнул через забор и бесшумно забрался в окно. Четыре койки, одна из них – пустая. Мерное дыхание спящих. Пятно лунного света на полу, с черными полосами перекрестия окна. Спят... больные. Не выздоравливающие. Те, кому день ото дня становится хуже.

Один – в возрасте, много застарелых проблем. Боги, да он гниёт изнутри. Сердце гниёт. Пожиратель оскалился. Нет, такую добычу он не возьмёт, всё тело больного пропитано гнилыми чувствами и мыслями. Нет! Пусть смерть его забирает и земля, а не Пожиратель. Такое мясо есть – травиться только, Голод разъярится и потребует ещё. А дразнить Его – что играть со смертью. Своих близких. И тех, кого никогда не знал.

Даже не задерживаясь на личном запахе «гнилого» – пронеслось что-то вроде плесневелого хлеба, Лекарь сосредоточился на втором спящем. Яблоко – сочное, спелое, рассыпчатое. Груша и изюм, вот так компот! И корица... Вкусненько! Мужчина, лет двадцать пять. Сломаны нога и ребро. На ноге пошли осложнения, отмирание тканей... Они что, отрезать ногу будут?! Под боком Балдуэдд, везите туда, там

колдуны вылечат!

Лекарь возмущённо усмехнулся.

Третий... Возраст – под пятьдесят. Нет, даже за пятьдесят. Грецкий орех, падуб, дуб. Мох. От аромата сами собой словно расправились плечи, поднялась голова. Сила. Сила во плоти. Потрясающая великолепная сила. Это он. Он. Прекрасная лакомая добыча, за которую... нет, не продашь душу, а отдашься Голоду. Прекрасно! Великолепно!

Вендигу притушил ликование, расплескавшееся в молчании, и прищурился. Так что же с этим великолепным человеком не так? Странно. Пожиратель сосредоточился, мысленно протянул к спящему чёрную тощую руку-лапу, коснулся длинным когтем его груди. Вот оно что! Голодный дух оскалится, ощутив подобную себе энергию. В груди у человека – осколок, обломанное острие проклятого кинжала. Что движется к сердцу. Влияние осколка... сильное. Видимо, у человека прихватило сердце, и его положили в больницу.

Кто в деревне будет ходить с таким осколком?! Скорее всего, человек – приезжий...

«Боги!» – Лекарь вытянулся, ощущая кончиком когтя, как бьётся сердце неизвестного в паре дней от смерти. От смерти или чего похуже. С такой дрянью в груди несчастный точно может подняться, как нежить. – «Я ведь могу... его спасти! Избавить от наконечника!» – светлое озарение сменилось мраком. – «Пр-р-роклятые! Я ищу жертву, а нахожу тех, кому могу помочь! И наконечник вытащить, и ногу залечить...» –

Ганнибал стиснул зубы. – «Что мне делать?!» – он отстранил руку-лапу от несостоявшейся жертвы. Оглянулся на человека с больной ногой.

Исцелить? Их обоих?

Наконечник требует особых условий.

А вот нога – нет.

Судя по вкусному «компотному» запаху, владелец ноги – точно не плохой человек.

Лекарь бесшумно подошёл к больному, склонился над ним.

Положил руку на сломанное бедро, сквозь одежду и ткани повязок почувствовал отмирающие мышцы. Тёмной лапой вендиго ухватился за гниль, потянул её на себя, забирая. Словно бы снимая, как грязь, наполняя исцеляемую плоть силой и здоровьем. Одним уколom когтя приказал мышцам зарастить повреждения – пациент при этом лишь слабо дёрнулся, не проснулся.

Достаточно.

Лекарь с удовлетворением окинул взглядом свою работу.

Сращивать кости уж он не будет, сами справятся.

Дадут Боги, этот больной полностью выздоровеет.

А вот тот, что с наконечником... Ганнибал посмотрел на лакомую добычу. Лучше поговорить с ним днём.

Человек-вендиго ощутил на себе чей-то взгляд, идущий от пола. Плавно быстро обернулся.

– Мя-я-я-яю! – большой серебристой окраски кот с острой

тёмной мордочкой и тёмными носочками, переходящими в красиво тающие полосы, воззрился на неожиданного и странного посетителя, подняв пушистый хвост.

– Тихо! – шепнул Лекарь на языке Леса. – Я не причинил им вреда!

– Вижу! – кот, сверкая бледно-голубыми луннистыми глазами, изучающе окинул ночного гостя взглядом. – Поговорим в коридоре? – он приглашающе махнул хвостом и величественно скользнул в приоткрытую дверь.

Князь покинул комнату вслед за ним.

Кот развернулся и сел, обвил хвостом лапы:

– Приветствую, Князь! Счастлив с тобой познакомиться! – он аристократично склонил изящную голову. – Я – Аззи, кот-смотритель Хмурилы.

– Смотритель? – Ганнибал почтительно кивнул в ответ.

– Да. Должность среди котов есть такая. Я охраняю здешних людей. От злых духов.

– Твоё дело благородно, о кот! Я слышал, что все кошки говорят на языке Леса, и счастлив получить тому подтверждение, – Лекарь и кот общались очень тихо для человеческого уха, и слышали при этом друг друга прекрасно.

– Разумеется! Только совсем глупые из нашего рода не разумеют языка Леса! А ты, о Князь, с какой целью пришёл в Хмурилу? – глаза Аззи мерцали в темноте, как два лунных камня.

– Я ищу добычу. А вместо этого, – Лекарь посмотрел че-

рез плечо на дверь, – помог человеку.

Кот-смотритель встал и подошёл к князю:

– Пр-р-равы были те сороки, что спорили с остальными и говорили, что ты Человек!

– Всё сложно, Аззи, – Ганнибал присел рядом с котом, усмехнулся.

– Понима-а-аю! – сверкнул лунным взором смотритель. – Раз тебе нужна еда, я подскажу. Умиравших сейчас в больнице нет. Померли двое, да на той неделе, похоронены уже, Пожирателю это не пища. Есть старик Роланд, но он воняет невыразимо, есть тётушка Мартш – но её даже свиньи есть не станут. Вряд ли они подходят Князю.

– Ты как в воду смотришь, Аззи, – во взгляде Лекаря заинтересованно вспыхнул бледный огонь, – какие люди мне нужны.

– Мы – кошки, – кивнул смотритель. – Мы видим то, что скрыто от глаз, то, что читается в сердцах. Видим духов, видим правду. В твоём сердце нет злобы, но есть боль и скорбь. Если ты возьмёшь меня на руки, я подлечу твоё сердце.

– Я очень признателен и тронут, – склонил голову князь. – В другое время я с радостью прижму тебя к сердцу. Но сейчас, ты сам видишь, мне нужно найти человека прежде, чем проснётся Голод.

– Вижу, – блеснул глазами кот. – А ты разве его ещё не нашёл?

– О чём ты? – ледяное сердце Пожирателя пропустило

удар, почуяв и предвкусив блаженство.

– В комнате, из которой ты вышел. Путешественник. Рэй Торм. У него в груди кончик тёмного проклятого кинжала. Спустя два рассвета осколок пронзит и убьёт его сердце, – лунноглазый страж, помахивая хвостом, смотрел князю в лицо. – Он умрёт, и ты заберёшь его тело.

– Нет, я вытащу этот осколок, и он останется жить.

– Это недальновидно, – прищурился Аззи. – Но я рад услышать, что ты хочешь спасти этого человека. Вместо того, чтобы безоговорочно забрать тело.

– Правда, – лицо Лекаря осунулось, – он может и умереть. Пока достаю наконечник... Я прежде такого никогда не делал. Я вообще... ещё мало что делал. В этой жизни.

Кот, словам предпочтя действия, музыкально звонко мурлыча, запрыгнул к князю на колени и, покрутившись, устроился на них, пуская в одежду когти:

– Тебя благословили Боги! Поступай так, как велит сердце!

Ганнибал с наслаждением погладил роскошную шерсть Аззи, в ночи – бледно-голубоватую:

– Благодарю за напутствие! Дадут Боги, ещё свидимся! – он почесал коту лоб, погладил подбородок.

Аззи, шурясь и балдея, ещё музыкальнее замурлыкал:

– У тебя пр-р-приятные р-р-руки! Очень! Челове-е-ческие!

– Что ж, – Лекарь вместе с котом встал, поглаживая ему

грудку. – Пойду я. Дождусь рассвета, дождусь Рэя Торма.

Аззи приподнялся у него на руках, упёрся лапами в грудь и потёрся о шею человека-вендиго:

– До встр-р-речи, Князь Леса! Обязательно свидимся!

Ганнибал пустил кота на пол – тот, прощально муркнув, лёгкой тенью потрусил по коридору, скрылся в его дальнем конце.

Лекарь вернулся в комнату и скользнул в окно.

* * *

Утро застало Хмурилу за обычной суетой бедных и степенностью богатых. В больнице медсестра выписала злощастного путешественника. Был он высок, крепок, широкоплеч, с седыми короткими волосами и бородкой, в походной кожаной куртке коричневого оттенка, тёмных штанах, сапогах-ботфортах, при плаще невнятного выцветшего оттенка и широкополой шляпе.

Серые глаза его смотрели на медсестру мягко-устало, когда она вручила справку, что «выписался по собственному желанию».

– Благодарю, – пророкотал он приятным баритоном, надел шляпу, коснулся пальцами её края, прощаясь, и покинул больницу. Из конюшни взял жеребца – мохноногого, вороного, с белым храпом, гривой и хвостом, белыми же чулками. Конь был холёный, мощный – как и его хозяин.

Покинув Хмурилу, странник отправился по дороге на юго-запад и возле кустов рябины, что окаймляли тонкую речушку, его встретил человек в белой шёлковой рубашке, тёмных штанах и сапогах. Персиковый платок на шее, седые волосы, собранные в хвост, повязаны чёрной лентой. Незнакомец – на плече у него висела приметная, украшенная вышивкой, сумка – подошёл к всаднику:

– Доброго дня, Рэй Торм!

Путешественник остановил коня:

– Доброго! – он окинул неизвестного взглядом, в глазах Рэя отразились настороженность и тревога. – Что вам нужно? Я спешу.

– Куда вы спешите? – голос неизвестного звучал мягко и в то же время с некоей тайной силой, которой, Рэй чувствовал, придётся подчиниться. «Уж не смерть ли моя пришла в обличье этого человека?» – подумалось Торму.

– В Дболинд. Там моя семья, – явлению смерти Рэй стал говорить без обиняков. – Хочу с ними увидеться.

– Вы не успеете, – проронил незнакомец.

«Точно, Смерть!» – внутренне обомлел Торм.

– До Доолинда три дня пути. Вам остался этот день и ещё время до полудня завтрашнего дня, – продолжила Смерть, почему-то решившая обернуться высоким незнакомцем лет сорока, исхудалого вида, с остро очерченными скулами.

– Это верно, три дня пути, – кивнул Рэй. – Но лучше попытаться, чем вообще ничего не делать! – он вздохнул и по-

чувствовал, как в груди кольнул проклятый осколок. – Вчере... я и так слишком задержался, из-за дурацкой больницы. Взял... – он перевёл дух, – и потерял сознание, прямо на дороге.

– Сочувствую, – Смерть, казалось, созерцала и изучала свою жертву. – Я могу вам помочь. Если, конечно, вы согласитесь.

– Что вы сказали?! – потрясённый, Рэй впился глазами в лицо незнакомца, рискнул глянуть в его тёмные, жгучие глаза, затягивающие мраком, но не выдержал и отвёл взгляд. – Вы... поможете мне?! – голос его дрогнул.

– Да, – Смерть указал рукой на тенистую рощицу. – Сойдём с дороги? Нужно поговорить.

Рэй спешил, взял под уздцы своего Грома и последовал за человеком. Они встали под раскидистым ясенем, Смерть скрестил у груди руки. Торму показалось, что у него на пальцах когти.

Рэй заговорил первым:

– Эту дрянь я подцепил на окраине Мёртвых земель Корвинде. Глупо получилось. Саму рану залечили, а обломок и не заподозрили! Раззява целитель! Поздно спохватились... Глубоко проник, в душу впился, силы забирает... Никто не взялся его вытащить, рукой махнули. Только, сколько примерно жить осталось, сказали. Я сразу и рванул домой, к родным, как узнал. Да поздно узнал, – он перевёл дух. – Не могу быстро ехать, сразу эта дрянь колет!

– Понимаю, – Смерть, оценивая услышанное, прищурился, взгляд его обдал стынущим холодом. – Я могу доставить вас в Доолинд до заката сего дня.

Рэй слушал, чувствуя, как в груди обмирает сердце, от внезапного счастья успеть повидаться с родными и от того, что смерть – совсем рядом, в мгновениях от него.

– Более того, – продолжал неизвестный, – я могу извлечь осколок и вы при этом, возможно, останетесь живы. Возможно. Потому и предлагаю сначала повидаться с близкими.

– Что... я должен сделать взамен, – выдохнул Торм, не веря обрушившимся на него возможностям.

– Взамен – ничего особенного, – проронил Смерть. – Ваша задача – молчать насчёт того, что увидите и услышите.

Рэй перевёл дух. Договоры с иными силами – штука тонкая. Нужно разобраться, что именно мрачному Посланнику нужно, а потом уже соглашаться, если цена не противоречит законам морали и совести.

– Понимаю, – кивнул неизвестный, сверкнув взглядом. – Вы тревожитесь, не втягиваю ли я вас в нечто, о чём потом придётся сожалеть вашей душе.

– Именно так.

Ганнибал улыбнулся. Этот Рэй Торм нравился ему всё больше и больше. И как человеку, и как Пожирателю. Приходилось прилагать усилия, чтобы не выдать своего волнения. А ещё... этот Рэй, благодаря проклятому кинжалу, отчасти видит, кто есть князь на самом деле. Искажённое вли-

нением клинка зрение, скорее всего, придаёт его облику излишне исхудалые черты и пугающий взгляд.

– Что ж, – Лекарь упёр руки в бока. – Я буду предельно честен. Я – существо, пришедшее из Великого Леса, можно сказать, лесной дух. Я хочу обернуться в свою звериную форму и доставить вас в Доолинд. Это путешествие вам не повредит, – предупредил князь возникший было вопрос. – Чары осколка и моя сущность в некоторой мере похожи, он не потревожит вас, пока вы едете на мне. Более того, я постараюсь оттянуть его немного назад и дать вам ещё время. Взамен... – Ганнибал горько и одновременно хищно усмехнулся, – прошу, завещайте своё тело мне, если вы умрёте, пока буду вытаскивать осколок.

– Для... чего? – Рэй побледнел, внутренности его пробрал холод. Или... Голод? Исходящий от мрачного Посланника Смерти?

– Не беспокойтесь, я не сделаю из него марионетку, не буду ставить опыты или каким-либо образом извращаться. Я просто его съем. Со всем почтением и благодарностью.

– Вот... как, – Торм отёр со лба холодный пот.

– А коли всё пройдёт так, как мне хочется, и вы останетесь живы, – взгляд голодного духа мерцнул бледным огнём, – то всё сохраните в тайне. Это всё, что мне от вас нужно. И, если вы останетесь живы, – князь поморщился, чувствуя, как вендиго внутри вопит и просит человека, – возможно, в будущем я обращусь к вам за помощью, не для злых, но бла-

гих дел.

– Что ж... – Торм похлопал себя по бокам, стряхивая напряжение, – когда вы готовы исполнить моё предсмертное желание, думаю, цена не высока! Вы же... позаботитесь о том, чтобы разорвать посмертную связь души и тела?

– Разумеется! Ваша душа будет полностью свободна и ничего не будет чувствовать из того, что происходит с телом.

– Согласен! – Рэй протянул Посланнику Смерти руку, они обменялись рукопожатием в знак договора.

Торм окинул взглядом измождённую фигуру своего ново-
явленного «духа-помощника»:

– У вас есть человеческое имя?

– Да, можешь звать меня Ганнибал.

Рэй погладил по морде своего коня:

– Не хочу здесь оставлять Грома. Но выхода нет...

– Попрощайтесь. Если всё пройдёт хорошо, вы встретитесь снова.

Странник обнял коня за голову:

– Прощай, друг! – голос его дрогнул. – Столько всего вместе пережили! – Рэй вздохнул и улыбнулся, похлопал жеребеца по шее, оглянулся на Лекаря. – Позаботьтесь, чтобы с ним всё было хорошо! Отдадите брату, если что.

– Непременно, – кивнул князь.

– Премного благодарю! – Рэй, снова окунувшись в свалившееся на него счастье, схватился за седельную сумку, вытащил и тут же положил обратно заготовленные прощальные

гостинцы. – Возьму с собой! – он снял сумку с коня. – Ведь можно?

– Конечно, – разрешил Лекарь.

Торм похлопал Грома по шее:

– Бывай, оставайся здесь. За тобой придут, – жеребец, недоумевающе повернув в сторону хозяина уши, взвизгнул. – Но, но! – успокоил его Рэй. – Будь молодцом, – умирающий шагнул к Лекарю. – Что мне нужно делать?

– Главное, доверься. Я помогу тебе, – Ганнибал подошёл к человеку, положил ему ладонь на грудь, успокаивая и осколок, и сердце. Рэй чувствовал, как от руки духа разбегается колющий холодок, в самом деле похожий по ощущениям на влияние обломка. – Вот так.

Торма залило сонно-расслабленное состояние, в котором, действительно, сложно было бы испугаться чему-либо. Пусть выскочат хоть мертвецы, хоть скелеты, хоть упыри обескровленные, хоть соседка брата Дарла – он не испугается, не подвергнет опасности ослабленное проклятьем сердце.

Лекарь отошёл и, не снимая сумки и одежды, вскинув руки, обернулся. Ужас, что волной должен был накрыть Рэя при иных обстоятельствах, с лёгкой руки князя превратился в лёгкое удивление, перешедшее в восхищение:

– Вот это зверь!

Тощее существо, покрытое чёрной блестящей шерстью, на шее переходящей в гриву, подобную львиной, соединяло

в себе черты трёх существ – человека, волка и лося. Клыкастая морда – белая, будто череп, то ли волчий, то ли лосиный, глаза горят бледным огнём, рога – будто лосиные, широкие, ветвистые, хвост, будто волчий – длинный, по земле стелется. А лапы передние – будто вытянутые руки человека, да и телом будто человек, умерший голодной смертью, видно, как рёбра выпирают!

Рэй словно в сказке очутился, созерцая это дивное превращение. И конь его не шелохнулся, щипая траву, будто рядом белка на землю скакнула, а не монстр появился.

Существо качнуло рогатой головой:

– Садись верхом, Рэй Торм, только седло возьми – на такой спине без него ты долго не выдержишь, да суму через меня перекинь и за гриву держись крепко. Быстро побегу!

Торм подумал: «Надо же, какие чудеса случаются со мной на исходе жизни!» Он улыбнулся детской счастливой улыбкой. Странник почувствовал себя совсем юным, верящим в чудеса, любовь и красоту. Рэй взял с Грома седло, закрепил его на спине голодного духа, максимально затянув подпругу. Продолжая улыбаться, Торм опёрся о выпирающую лопатку зверя, стоящего на четырёх лапах, и запрыгнул в седло, выпрямился:

– Ого, вот это ощущения!

Монстр вскинул морду:

– В путь, Рэй Торм, – голос его перешёл на низкие ноты, прозвеневшие морозом. – Он лежит через Лес, срежем рас-

стояние, что отделяет тебя от родных!

– Через Лес?! – Рэй, схватившись руками за жёсткую гриву, осмотрелся.

– Конечно, это ведь мой Дом!

Монстр повернул морду к коню, велел на языке лошадей.

– Жди здесь! Деревья скроют тебя от чужих глаз. Придёт или Рэй, или его брат!

Гром с готовностью отозвался:

– Понял, Князь!

А Торм слушал, как они обменялись коротким ржанием. «Дивно, дивно! – подумалось ему. – «Это создание, то есть, Ганнибал, говорит как человек, как лошадь. Поди, любой тварью может кричать!»

Зверь изготовился к прыжку, Торм, упёршись в стремена, крепко сжал его костлявые бока коленями.

И – прыжок.

Рэя подхватила лёгкость полёта.

Галоп диковинного зверя оказался невероятно лёгким и плавным. Движение убаюкивало, обломок не кололся. Нега заливала тело, и всё же Торм, сбросив сон, стал счастливо смотреть по сторонам. И в расслабленном движении мыслей приметил, что грива «скакуна» немного да отдаёт морозцем, будто иней. И в целом от «коня» словно веет холодом. Что за дух такой Ганнибал, непохожий на всех тех, что встречал Рэй на своём веку? Дух, что хочет съесть его тело и одновременно хочет помочь.

Голодный дух?

Судя по складу тела точно, кто-то из голодных духов. Но кто? Дзикининки смердят разложением, гаки – нечистотами, преты – испорченной пищей. Пожиратели – людоеды, но они выглядят не так. Совсем не так. Хотя...

Нужно будет спросить...

Дальше развивать мысли уже не хотелось.

Хотелось ощущать дивный бег и созерцать виды вокруг.

Тем временем зверь чёрной тощей стрелой пересёк поля и помчался между деревьев.

Глава VII. Между прошлым и будущим

Сырость и папоротники окунули Рэя в прохладу, всколыхнув упокоившиеся было мысли. Торм вспомнил о том, что никогда не забирался в Лес дальше отведённого королевским указом пространства, и возможность увидеть то, что в других обстоятельствах навсегда осталось бы скрыто от глаз, его воодушевила, подарила ещё большее ощущение свободы и лёгкости.

«Будто я уже умер», – подумалось страннику, – «и погружаюсь в другой мир».

И этот мир оказался глубок. Запахи дикой малины, смородины и влажного подлеска опьянили, как вино. И надышавшись ими вместе с целительным духом сосны, Рэй стал видеть вещи, трезвым умом необъяснимые. Зверь со своим седоком двигался ловко и грациозно, и казалось, что кусты перед ним расступаются, а ветви – раздвигаются. Это только казалось. Убеждал себя пьяный Лесом Торм.

Ему легче дышалось. Ощущалось, что чувства становятся яснее. Острее. Чудилось, что у деревьев и зарослей мелькают лица – любопытствующие, чурающиеся или испуганные. Такие разные – как и у людей. Это только чудилось. Или всё же нет?

Казалось, среди мелькающих ветвей и синих пятен неба слышался звон – мелодичный, будто песня. Словно рассыпанные в воздухе искры, обладающие каждая своим голосом – они кружились в лучах света, сопровождая всадника. «С чего бы это?» – думалось Торму.

Зверь выныривал на солнцепёк и погружался в заросли, мелькал под сенью вековых древ и пересекал весёлые юные рощи, прыгал через ущелья и огибал обрывы.

И всё это – мягко и плавно, скользя и изгибаясь, будто под седлом у Торма не костлявая тёмная тварь, а изящное светлое создание, вроде волшебного коня ниннира – духа воды, чей шаг настолько лёгок, что и травинки не примнёт!

Зверь пронёсся вверх по склону, поросшему древними пихтами и кедрами, и остановился на вершине хребта, вцепившись когтями в омытые дождями камни:

– Отдохнём, – дух по-птичьи чирикнул и лёг на живот, седок соскользнул с него, размял ноги, осмотрелся:

– Красота! – Рэй, прикрыв рукой глаза от солнца, устремил взор на виднеющиеся хребты и доли Леса, похожие на неведомый танец застывших во времени змей, окаменевших и затем поросших деревьями и травами. Змей или... драконов? Знаменитых скальных драконов Древности? О которых рассказывают «Священные сказания»?

Восхищённый взгляд человека заскользил ниже и ближе, и восторженно наконец-то позволил себе добраться до озера – почти идеального полумесяца, сверкающего серебром

на солнце, будто зеркало луноликой Жены Небесного Отца. Торм удивился тому, что так легко вспомнил Древних Богов, что сейчас не чтимы, заслонённые образом Создателя. Но разве Небесный Отец не может быть тем же Создателем? Но у Создателя нет жены-Луны, а у Небесного Отца – есть.

Рэй выкинул из головы богословские споры. Не это сейчас важно. Важно... мгновение. Ощущения, созерцания, чувствования. Когда ты жив. Пока ты жив.

Торм почувствовал со спины укол холода. Или Голода? Это подошёл на задних лапах Ганнибал. Встал рядом, обдав морозцем.

Рэй окинул его взглядом:

– Как ты стал таким?

– Каким? – повернул к нему голову зверь.

– Думаю, что ты – Пожиратель, – Рэй оценивающе обрисовал силуэт монстра рукой. – Но не такой, как остальные. А другие голодные духи под твоё описание совсем не подходят. И они воняют. Ты пахнешь лесом – сосной и можжевельником.

– Вот как! – усмехнулся князь. – Благодарю! Как понимаю, ты видал многих голодных духов, – зверь сел и обвил лапы хвостом, напомнив этим жестом большого кота, кота под седлом. – Да-а-а... – он вздохнул. – Ты прав. Я Пожиратель. Которому повезло вернуть человеческое тело. И душу. Мне очень повезло.

– Как это получилось?! – поразился Торм.

– Хмх... Скажем так, мне помог тот, у кого на это хватило могущества.

– Понимаю, – кивнул Рэй. – Хотя я и на пороге смерти, душу ты мне точно излить не станешь, – он посмеялся.

– Возможно, ты ещё будешь жить, – мягко поправил вендиго.

– Перестань, – махнул рукой Торм. – Как будто я не понял, что ты жаждешь меня съесть!

– Раз ты имел дело с голодными духами – да, ты можешь представить, насколько сильно я этого хочу. Но... – Пожиратель глухо прорычал, – это не отменяет того, что я хочу спасти тебя.

– За что я безумно признателен! – Рэй дружески похлопал монстра по плечу. – Вроде бы кажется, что и все итоги подвёл, и дела завершил, а всё равно... дополнительный денёк, часок... жить хочется! Тем более, когда благодаря тебе я исполню то единственное, чего не успел! – счастливо улыбаясь солнцу, странник взирал на мир. – А там уж будь, что будет!

– Ты так спокоен, на грани смерти, – вендиго пошевелил ушами. – Благодарен за дарованное время, но не цепляешься за то, что уходит.

– А что! – Рэй продолжал улыбаться. – Я славно провёл время, мне не о чем жалеть! И даже, – он посмеялся, – в какой-то мере жалею, что ты предлагаешь мне шанс! Может, не будешь меня спасать, а? – смеясь, странник посмотрел Пожирателю в глаза. – Я серьёзно, – взор его стал спокоен и су-

ров. – Не мучай себя. Ведь всё твое существо хочет убить меня, зачем идти себе наперекор?

– Не всё существо, а половина, – сухо выдохнул людоед. – Ты сам сказал, будь, что будет. Я попробую.

– Что ж, попробуй, – вздохнув, кивнул Рэй. – Я проживу это время так, будто всё. Финал. А если снова открою глаза – бесконечно буду тебе признателен.

– Договорились, – прикрыл глаза зверь.

Он поднялся:

– Поехали, время идёт.

– Постой, – Рэй указал на серебряный полумесяц в долине. – Что это за озеро?

– Это Айре-Нур. До Войны Шипов оно почиталось людьми, как священное.

– А после?

– После начала Войны ни один человек не бывал на его берегах.

– Ганнибал...

– М-м-м? – вендиго вопросительно вытянул морду в сторону человека.

– Да так, – Рэй улыбнулся своим мыслям, смотря на испещрённые лишайниками камни. – Я бы... хотел оказаться первым человеком, побывавшим на его берегах. Спустя... сколько лет? – он поднял на Лекаря мягкий тёплый взгляд. – Шестьсот тридцать...

– Девять – подсказал князь.

– Точно, шестьсот тридцать девять лет! – всё в фигуре Рэя обрело некую светящуюся теплоту и мягкость. – Это было бы красиво, – он вздохнул и сдвинул брови, во взгляде его отразились и детская надежда, и готовность принять отказ, обрамлённые достоинством. – Возможно ли это?

Ганнибал, ощущая во рту горечь предчувствия того, что Рэй неминуемо умрёт – слишком светлым и спокойным был весь его облик, – бросил взгляд на озеро внизу и кивнул:

– Не вижу препятствий. Шесть веков назад, перед Войной, люди свободно могли бывать там.

– Ох-х, поверь, на озеро Айре-Нур мне не жаль времени! Вперёд! – легко, как двадцатипятилетний молодец, Торм запрыгнул в седло и Пожиратель аккуратно и легко устремился вниз по россыпи к берегам сереброликого озера.

Торжественными кипами пронеслись можжевельники, уступая пространство кедрам и пихтам. Высокие заросли рододендрона, роскошный покров голубичника, и вендиго вынес своего седока к озеру.

Берег. Мерно плещутся волны. В хрустальные блики смотрятся ближайшие сосны. И кустики голубики, подле самой воды. Далее, за озером – простор неба и долины, где перелески сменяются сочными луговинами. Тишина, неявно сладкая, манящая и мирная. Возле этих вод мгновения словно замедлились.

В молчании человек спешил, они подошли к водной глади.

– Почему, – Рэй не нарушил, но дополнил разлившуюся тишь звучанием человеческой речи, – это озеро считалось священным?

– До Войны Шипов люди обращались к духу озера за исцелением, – Пожиратель лёг на обрывистом берегу, поджав руки-лапы. – И он помогал. Сейчас... дух спит. Вот уже шесть веков как.

– А его можно разбудить? – Рэй махнул рукой. – Так, интересно.

Пожиратель повёл ухом:

– Сейчас Лес пробуждается. Быть может, и дух скоро проснётся. Но пока его не добились.

– Вот как! А кто будит Лес? Это опасно для людей?

Вендиго взглянул на человека:

– Нет, Лес не питает вражды к людям, а будит его Посланник Древа. Ты застал чарующую пору...

Торм посмотрел на своё отражение в колышущихся волнах прибоя, сделал жест, чтобы зачерпнуть воды и замер, оглянувшись на духа:

– Можно?

– Можно, – кивнул Пожиратель. – Тебе, думаю, даже нужно.

Рэй захватил пригоршней влагу и глотнул. Вода оказалась прохладной, нежно-сладкой на вкус, как если бы с неба в озеро просыпалось множество розовых лепестков.

– Удивительно! – восхитился человек. – Мне и так полег-

чало после встречи с тобой, а теперь – тем более! – он зачерпнул и глотнул ещё, умылся, поблагодарил озеро.

Лекарь, прищурившись, наблюдал за ним и чувствовал шкурой множество взглядов – Лес смотрел. Кустами, деревьями, травами, большими и малыми тварями. Смотрел на Пожирателя и человека. Лес отвык от людей. И сейчас князь показывал ему, что люди умеют чтить Лес и его дары. Что людям можно доверять. Быть может, из глубины вод взирает на Рэя сейчас и дух Айре-Нура, что остался глух к голосу флейты, когда Ганнибал пришёл к нему в прошлый раз.

Люди могут быть бережны и осторожны. Могут быть чутки. Люди могут просто радоваться. Тем более на пороге смерти. Люди умеют любить. Люди не так уж и отличаются от Леса. Люди и Лес могут доверять друг другу.

Смотри, Лес.

Запоминай.

Когда помогаешь Ты, люди могут помочь в ответ.

И когда люди помогут, Ты тоже откликнешься.

Ты сможешь поверить.

Как и люди.

На примере таких людей, как Рэй. Он не ждёт от Леса опасности, гнева и боли. Прямо сейчас – не ждёт, хотя порой, наверное, сомневался.

Смотри, Лес...

Он умирает, но радостен. Как и дети Твои, когда их время подходит к концу.

Подул ветерок, усилив белолепестковый розовый аромат. Середина озера подёрнулась рябью. Рэй вздрогнул, перевёл дух. Ему это не могло показаться! Слишком это было явно! Безбородое лицо с раскинувшимися по водной глади волосами, волнистыми, роскошно длинными.

– Это... – Торм показал рукой на уже исчезнувший образ, – был дух?!

– Возможно. Возможно, твоя почтительность пришлась ему по душе. Как и сердечность. Лесу очень не хватает любви, – вендиго встал. – Благодарю тебя за искренность!

– Это я, – Торм развёл руками, – должен тебя за всё благодарить! И озеро! – он поклонился Айре-Нуру. – И духу озера – моя благодарность! – человек поклонился ещё раз.

Лекарь внутренне горько улыбнулся. Лесу так не хватает любви. Как и людям не хватает любви. И тем, и другим любить страшно. Потому как кажется, что затем будет больно.

Прошлое оставляет раны. И время их не лечит, не превращает в шрамы, оставляя открытыми, если не применить средство, которое действительно заживит обнажённые нервы, сошьёт разорванную душу, залатает кровоточащее сердце. Средство это – то же самое, любовь. Но сколько у неё ликов и ипостасей, на каждое живое существо найдётся своё, необходимое ему, проявление любви.

Нужно учиться... видеть его, слышать, чувствовать. Необходимый в данный момент лик любви. А может быть, Рэй прав и не стоит пытаться спасти ему жизнь? И просто по-

дождать, пока придёт Костлявая?... Нет, когда есть возможность, всегда нужно делать то, что в твоих силах.

А если сил недостаточно?

Вендиго принялся.

Вроде бы осколок не сулит ничего такого, что могло бы насторожить столь тёмную сущность, как Пожиратель. А значит, всё должно пройти спокойно.

Рэй обернулся на князя:

– Едем.

Озеро попрощалось с человеком мелодичным, нежно-голубоватым звоном. И пробежавшей без ветра узорчатой рябью.

И Торм знал, что ему не показалось.

* * *

Рианна подошла сзади к сидящему за столом мужу и легонько тронула его за плечо:

– Стеф, поздно уже. Он не придет.

Стефан – широкоплечий сорокалетний мужчина, чьё лицо окаймляла аккуратная борода, обернулся и сверкнул взглядом:

– Чёрта с два!

Жена – милейшего вида курносая блондинка чуть за тридцать, всплеснула руками:

– Не ругайся, в доме дети!

Стеф хмыкнул. Если верить письму, у брата ещё есть время. Но в дороге может случиться всё, что угодно. Нужно было плевать на запреты врачей и поехать ему навстречу. Торм взъерошил себе начинающие седеть волосы:

– Молчи, женщина, – беззлобно отозвался он. – Ещё не вечер.

Рианна вздохнула. Он прав. Ещё не вечер. Ещё не наступил последний вечер Рэя Торма. Если верить письму.

Раздался шум, в комнату ворвались дети – десятилетний Вольдар и семилетний Бриндар и, размахивая деревянными кинжалами, описали круг по кабинету и улетучились обратно за дверь. Топот ног возвестил, что сорванцы устремились на улицу.

Женщина молча потрепала мужа по плечу, тот кивнул. Совсем отложил свиток, на котором не мог вывести ни буквы последние полчаса. Откинулся на спинку кресла, ущипнул себя за переносицу:

– К дьяволу это прошение, да простит меня господин Дуррин! Сегодня я его не составлю!

– Может, пойдём, прогуляемся? – Рианна коротко улыбнулась.

– Может быть... – усмехнулся Стеф.

С улицы донеслись вопли Вольдара:

– Дядя Рэй приехал! Дядя Рэй! – к его голосу присоединились счастливые визги и хохот Бриндара.

Рианна побледнела:

– О, Создатель!

Стефан с трудом привстал, оперевшись на подлокотники.

Жена спохватилась:

– Только не спеши! Береги себя! – она быстрым шагом устремилась к двери. – Я встречу!

Когда Рианна выбежала на порог, она увидела Рэя – такого, как и всегда, только немного бледного. Деверь игрался с детьми, не отлипающими от него, поднял на невестку смеющиеся глаза:

– Здорово, Риа! Вот и я! Принимай гостей! – он указал жестом на калитку, подле которой стоял высокий седоволосый незнакомец с сумкой на плече. – Без этого господина я бы сюда не добрался!

Неизвестный вежливо кивнул:

– Приветствую, я Клиффорд. Можно Клифф.

* * *

Шумные улочки Доолинда встретили Рэя и Лекаря уютом и беззаботностью южного Прилесья. Провинциальный городок растекался в лучах вечеряющего солнца, но до заката было ещё далеко.

Человек и Пожиратель в человеческом облике шли по булыжной мостовой, оглядывая обрамлённые сиренью и черёмухой домики и лавочки. Пахло свежими пряниками, выстиранным бельём и местами – куриным помётом. Ветер доно-

сил детский смех и бубенчики карусели.

– Вон тот дом, – Рэй показал на красную высокую крышу с мансардой, – почти пришли.

– Хорошо, – Ганнибал остановился. – Здесь я тебя оставлю. Времени тебе отведено до завтрашней полуночи, осколок я оттянул, как и обещал. Предлагаю встретиться завтра на закате, приходи на опушку Леса, я тебя встречу.

– Постой, – Торм протянул к нему руку. – Пойдём со мной, хоть познакомлю тебя с семьёй!

– К чему это? – вендиго поднял брови. – Мы всё обговорили. Им ты не скажешь, что есть шанс, и коли вернёшься, они будут счастливы. А коли не вернёшься, то не будут обмануты несбывшейся надеждой!

– Перестань! Я настаиваю! – Рэй приглашающим жестом указал на дом. – В конце концов, они должны знать в лицо того, кто помог нам свидеться!

Лекарь колебался. С одной стороны, общаться с как можно меньшим количеством людей – это хорошо для сокрытия того, что Вересовый князь вернулся в мир. И как можно меньшее количество людей подвергается возможной опасности со стороны эльфийцев. С другой стороны, люди – это связи, помощь, опора. И, что не менее важно, как раз эти некоторые избранные могут быть мостиком между людьми и Лесом. И таких избранных должно становиться всё больше.

Была не была, кто знает, вдруг, через семью Рэя друзей Леса станет больше! И... через знакомых людей, возможно,

будет проще разживаться людьми... для пищи.

Ганнибал прищурился, взгляд его вспыхнул. Последний довод был таким же убедительным, как и предыдущий.

Тем более, через Рэя, если тот останется жив, Лекарь так и так собирался держать связь с миром.

Решено.

Князь склонил голову:

– Я принимаю твоё приглашение.

– Я очень рад, – выдохнул Рэй. – Благодарю тебя, друг! Надеюсь... – он всмотрелся в лицо голодного духа, – тебе не сложно находиться среди людей?

– О, нет! В настоящее время любой человек, находясь рядом со мной, в полной безопасности.

Торм кивнул:

– В этом я не сомневался. Имел ввиду, тебе самому... – он помолчал, подбирая слова, – приносит боль пребывание среди людей?

– Нет, – Ганнибал улыбнулся. – Наоборот, это вдохновляет, – подумав, он добавил. – Для твоей семьи я назовусь другим именем. Не удивляйся.

Странник согласно склонил голову. И подумал: «Вряд ли и Ганнибал – его настоящее имя. Раз он Пожиратель, получивший человеческую форму, то, скорее всего, помнит и прежнее своё имя, а может, и жизнь. Кто он такой, если некто могущественный одарил его столь высокой милостью?»

Они направились к дому, и Лекарь, оглядывая улочку, размышлял: «Имя... Каким именем назваться?» Он вспомнил яркую афишу на въезде в городок: «Цирк Клиффорда Вераскеса „Чудеса и чудовища“. Не проходи мимо!» Видно, за городом цирк, оттуда и доносились бубенчики карусели и музыка. Что ж, пусть будет Клиффорд, для семьи Торма.

Не стоит лишний раз светить именем Ганнибала Лекаря, пока ещё не получил лицензию врача.

* * *

Когда Ганнибал и Рианна обменялись приветствиями, на пороге ухоженного расписного дома появился Стефан Торм, опираясь на трость. Вендиго внутри сразу насторожился: «Что с ним?» И, потянув носом, определил: ушиб в нижней части спины. Падение, скорее всего, с лошади. Прошло почти полтора месяца. Торм успешно поправляется. Пахнет от него остатками болезни, грецким орехом – как и от Рэя, лавром и хлебным квасом. Достаточно симпатичен, съедобен, но до брата ему очень и очень далеко. О, ещё ноты сыра. Забавно.

И очень сырными были его дети, особенно старший. Младший больше походил на сыр с белым хлебушком, нет, даже булочкой. Сдобой он, видно, пошёл в матушку – от Рианны пахло свежей сливочной пышкой, мёдом и овсяным печеньем.

Рэй, от которого всё никак не хотели отлипать дети, представил Стефана и Ганнибала друг другу, те пожали руки.

Стеф кивнул на дом:

– Добро пожаловать! Располагайтесь, Риа накроет на стол!

Рианна, стоя рядом с мужем, глядя на Лекаря, вдруг переменялась в лице и изумлённо воскликнула:

– Гален?!

Гость замер, как ледяной водой ошпаренный, врос в землю, чувствуя, как бешено колотится сердце. Как, откуда она смогла его узнать?! Но мгновение спустя явилось объяснение, в лице весёлого голоса за спиной князя:

– Да, я, сестричка! Не ждала?! О, и Рэй тут! Я, как всегда, вовремя!

Высокий угловатый Гален Свон – как и сестра, блондин, подошёл и со всеми поздоровался. Восторженные племянники наконец отпустили «дядю Рэя» и вихрем налетели на «дядю Галена».

Наблюдая их весёлую потасовку и объятия, Ганнибал почувствовал укол в сердце. Он сам когда-то мог бы быть «дядей Галеном» для кого-то. Для детей принца Уилхарда хотя бы. Он бы возился с ними, как с Майей. А она бы тогда уже, наверное, выросла. Была бы, как Кара сейчас. Горькое желание присоединиться к этой беззаботной возне сдавило горло, вошло шипами в сердце. Сможет ли он быть для кого-нибудь когда-нибудь «дядей Галеном» или всё, что могло быть прожито, как подлинно человеческое, осталось в без-

возвратном прошлом?

Сердце князя пело бы, если бы его назвали хоть «дядей Галеном», хоть «дядей Ганнибалом», но зная его – зная, как родного и близкого человека.

Тоска по созвучию с людьми стала разъедать сердце. Они не знают, что каждого из них вендиго уже оценил по запаху, что он находится посреди продуктовой лавки и это счастье, что монстр не хочет есть, а просто наслаждается этой музыкальной ароматов и снеди.

Рэй прав – находиться среди людей больно. Среди счастливых людей – ещё больнее.

Ганнибал сделал неосознанное движение в сторону дурачащихся детей и тёзки. Остановился.

На плечо князю легла широкая ладонь Рэя:

– Пойдём, это надолго. Риа уже с ужином возится.

Ганнибал поднял взгляд – и правда, Стеф и Рианна уже испарились с порога. Гален Свон и племянники стали играть в «войнушку»: Бриндар и Вольдар с деревянными кинжалами напали на дядю, обороняющегося палкой. Дети были эльфами, а дядя – кем ещё может быть человек по имени «Гален», когда речь идёт об игре в Войну Шипов?

– За-а-арублю! – подвывая, атаковал Вольдар.

– А-а-а-ау! – вторил ему младший Бриндар, уже ставший огромным волком – Хранителем Леса, так как его эльф мгновение назад получил мечом «в брюхо».

– За Север! За Сагию! – отбивался Гален Свон, в игре –

Ирде.

Ганнибал, вскинув голову, посмотрел в небо. Боги! Годы спустя, если бы всё сложилось по-другому, он бы тоже играл так. С детьми друзей. С внуками. Если бы всё было по-другому...

А в этой жизни... Князь стиснул зубы. Невозможно.

Недоступно.

Недопустимо?

Почему?

Можно ли желать такого, мечтать о таком?

Чтобы кому-то когда-то в игре он передавал мудрость и предания великого прошлого, учил стойкости, рассудительности и отваге, передавал бы опыт полководца, князя, отца, деда?

Боги, это то будущее, которое он потерял!

Будущее, ставшее для мира прошлым.

Сколько несбывшегося, перечеркнувшегося Войной.

И проклятьем.

Утрата. Будущего.

Какое будущее у него сейчас?

Точно, не дети. Точно, не внуки. Не жена. Огромный мир, огромная власть, огромная миссия. И без родной души.

Полно, это всё тоска по любви.

Ты можешь любить. Ты умеешь любить. А с любовью... всё может стать. Даже то, что сейчас не можешь и вообразить.

– Боги древние, – прошептал князь. – Пошлите этой семье счастье, – он посмотрел на Рэя, стоящего рядом. – Прошу прощения, немного задумался. Я не так много времени... проводил с людьми.

Торм в размышлении кивнул.

Глава VIII. Время откровений

Все вели себя так, будто это самый обычный день и просто ранний ужин, по случаю приезда дорогого любимого родственника.

И в этой простоте и естественности звучало то самое, что нужно было Рэю. Прожить. Прочувствовать. Впустить в себя до конца, наполниться происходящим. Голосами. Жестами. Словами. Смехом. Взглядами. Тем, что есть сегодня и, благодаря Ганнибалу, будет ещё завтра. Ещё целые сутки, даже более. Какой же это дар, прожить этот последний день. Прожить.

Не в голове, не в сомнениях, терзаниях, страхах, а душой и телом – впитать. Запомнить. Впечатать в чувства.

Запомнить вкусы, мелочи, трещинку на столе, вилку в руке, платок, которым Рианна отёрла нос Бриндару, анекдот, рассказанный Галеном...

Всё это – музыка, сотканная из простоты и обыденности, – наполняло душу светом. Всё идёт правильно. Так должно быть – чуялось Рэю, и благодарность и спокойствие затопляли тело. Он увидел всё, что нужно, сделал всё, что нужно, а дальше – новая жизнь. Или в мире Ином, или, по воле Неба и Ганнибала – на земле.

Рэй настолько уже оторвался от суеты и тревог, что эти две жизни для него как-то и не различались между собой.

У кого на душе чисто, тому нечего страшится. Дурацкая история вышла с тёмным кинжалом, но на эти деньги Тормы наконец-то закрыли все долги отца – это спустя десятки лет, и ещё Стефа со спиной в больницу положили. Хорошо, что половина оплаты была вперёд...

Если так посудить... жалеть не о чем. Рэй и не жалел.

А вот поведение Ганнибала во дворе, когда появился шурин, его заинтересовало. Внимание всех было сосредоточено на Галене, приехавшем так вовремя из Чезуррина, и один Рэй заметил, насколько прозвучавшее имя впечатлило Пожирателя.

Будто Рианна назвала его имя, ещё и смотря в лицо.

И после... вендиго так смотрел на Галена и детей. О чём он думал? И сделал жест, чтобы шагнуть к ним. Опомнился. И когда Рэй окликнул его, рассеянно стал следить за игрой в Войну Шипов, будто всё ещё потрясённый услышанным именем. И взгляд, брошенный духом в небо, обдал Торма порывом отчаяния.

Судя по всему, друга-Пожирателя появление Галена застало врасплох. Если твоё имя, вендиго-человек – Гален, то кто и почему снизошёл до тебя, подарив новую жизнь?

Кто ты был в прошлой жизни, как – случайно ли, нарочно ли, – отдал свою душу проклятью Пожирателя, и для чего ты теперь помогаешь случайным или неслучайным встречным?

Вряд ли бы чью-то простую душу удостоили человеке-

ским телом при таком проклятье, значит, это должен быть некто выдающийся в истории Сагии.

Рэй, куря трубку из морёного дуба, сидел в кресле у открытого окна, занимающегося закатом, домочадцы пока разбежались, давая гостю момент тишины.

Какой-нибудь знаменитый, известный Гален... за свои деяния ставший бы Пожирателем. Хм, память не могла подобрать такого.

Внезапно подкинута загадка придавала этому вечеру особое игривое очарование, как пузырьки в бокале перламутрового лигирийского вина, и Рэю на пороге новой жизни хотелось её разгадать в жизни нынешней.

Гален исчезнувший, странно умерший...

Память подбирала все неподходящие имена. Первый книгопечатник Гален Ферн-Оул. Учёный-путешественник, нашедший окаменелое яйцо дракона – Гален Видовт. Знаменитый математик Гален Хирш... Их смерти не были туманными и странными, у всех есть могилы... Гален Ринн, известный воин, павший в землях Корвинде...

Да полно, не было бы у кого-то могущественного причины возвращать их для того, чтобы они будили Лес!

«Стоп, а почему это я решил, что это Ганнибал будит Лес?!» – Рэй покачал головой. – «Ну, а кто бы ещё настолько необыкновенный занялся этим делом?» – Торм выпустил колечко дыма. – «Хмх, спросить что ли, чего это он так имени „Гален“ испугался?...»

Рэй посмотрел на деревянные настенные часы в виде филина, вспомнил: «Сам резал, сам сделал, на свадьбу Стефа и Риа. До сих пор работают...» Торм удовлетворённо кивнул и продолжил размышление.

Мысли его обратились к ужину.

Вольдар начал традиционную игру:

– Дядя Гален!

Бриндар присоединился:

– Расскажи, кто изображён на картинке! – мальчик показал пальчиком на длинный лубок, висящий над столом.

Гален, не донося до рта ложку с гречневой кашей, рассмеялся:

– Как скажешь, парень! – он потрепал сидящего рядом племянника по голове. – Это принц Уилхард Старгэйзе и князь Гален Ирде бьются с Тёмным Кирином!

Бриндар восторженно причмокнул, облизывая ложку, добавил:

– А почему Гален Ирде на рогах Кирина?

– Потому что он тогда погиб!

Бриндар заворожённо протянул:

– У-у-у-у-у....

Вольдар продолжил:

– Дядя, тебя же называли в честь него?

– Да, – улыбнулся Гален. – Это был такой герой, что после этим именем только в честь него и называли. А до него был ещё Гален Древний, основатель Дома Вереса.

– И войношиповского Ирде назвали в честь него? – старший племянник посмотрел на лубок.

– Да, возьми книжку и почитай, – кивнул дядя.

Бриндар брякнул:

– А ты будешь драться с Кирином?

Все расхохотались, только Ганнибал, сидящий рядом с Рэем, чуть улыбнулся. Торм заметил, что весь разговор поверг духа в созерцательную, подёрнутую печалью, задумчивость, хотя до этого гость был радушно приветлив. Человек человеком. Никто бы и не поверил, что Рэй привёл в дом голодного духа! Совсем недавно получившего человеческое тело? Почему недавно? Ганнибал сказал, что немного времени проводил с людьми. Потому что не так давно вернулся?

– Какое тебе! – смеясь, ответил младшему племяннику дядя. – Сейчас такие Кирины у нас не водятся, хвала Создателю! Ешь давай! На оленей я охотился, и с меня довольно.

Стали говорить на другие темы. Ганнибал состряпал легенду, что приехал в гости к другу, живущему в Балдуэдде, и случайно пересёкся с Рэем в городе, предоставил лошадей, позаботился о Громе и сопровождал в пути.

Все легко и охотно ему поверили.

Торм, покуривая трубку, прикинул: по виду Ганнибал, скорее всего, северянин. Логично, что он получил ту же внешность, какую имел до превращения. Имя Гален, северянин.

В памяти всплыло: «Тело Галена Ирде было уничтожено

яростью Великого Леса, когда принц Уилхард сразил Кирина». Вот тебе на, совпадение.

Ну, ерунда, Гален Ирде не мог стать Пожирателем!

С чего бы!

Такая светлая душа не могла бы так низко пасть!

В дверь постучали. Рэй обратил внимание на воцарившуюся тишину – видно, родные ушли гулять. Послышались шаги, дверь открыли, прозвучал голос Ганнибала:

– Здравствуйте!

Старушечий голос проскрипел:

– Я к Тормам, милоч.

– Они скоро придут. Это что-то срочное?

Рэй поднялся и, держа в руке трубку, прошёл к двери. Увидел на пороге Ганнибала и согнутую закутанную в выцветший платок пожилую женщину, с клюкой и пачкой каких-то бумажек. Старушка совала северянину пару листовок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.